

Н А Т А Л Ь Я
АНДРЕЕВА

**ВЕНТИЛЯЦИЯ
ЛЕГКИХ**

★ Э Р А С Т Р Е Л Ь Ц А ★

Наталья Вячеславовна Андреева
Вентиляция легких
Серия «Бестселлеры
Натальи Андреевой»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64730852

*Вентиляция легких:
ISBN 978-5-17-133290-7*

Аннотация

Очередное запутанное дело вышедшего наконец в отставку Алексея Леонидова. Загадка на один день – преступника Леонидов вычислил, что называется, не отходя от кассы. Банковской кассы. Решив продать доставшуюся ему в наследство квартиру, Алексей стал участником сложной сделки, в которую, как потом оказалось, затесался мошенник. В результате из банковской ячейки пропали восемь миллионов рублей! Сделка под угрозой, и Леонидов запросто может остаться без денег. Ему надо понять, каким образом эти восемь миллионов испарились, интуиция подсказывает опытному сыщику, что за такие деньги могут и убить! А тут еще коронавирус, среди участников сделки паника... В общем, это преступление могло случиться только в эпоху новой ненормальности.

Детектив из серии «Эра Стрельца», по мотивам которой снят сериал «Психология преступления».

Содержание

Верещагины	12
Маврушкины	21
Трухины	28
Сделка	41
Ожидание	64
Верещагины	68
Маврушкины	74
Трухины	79
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Наталья Вячеславовна Андреева

Вентиляция легких

© Андреева Н., 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

2020 январь

– Да, подложила свинью китайцам змея! – Леонидов оторвался от планшета и посмотрел на жену. Они сидели на кухне, телевизор что-то бурчал, за окном то ли капало, то ли свистело. Новогодние праздники кончились, а зима так по-настоящему и не началась. Все в последнее время шло не по графику. – Эй! Чем ты там так занята?

– Да вот, отель присматриваю в Греции, – озабоченно сказала Саша, не отрывая глаз от своего планшета. – Отзывы читаю. А может, на Кипр поедem этим летом? А, Леша?

– А не рановато ты об отдыхе думаешь? Вон, в Китае новый вирус, covid-19 называется. В городе Ухань... Или УхАнь? В общем, на тамошнем рынке кто-то купил змею. И съел ее. А змея, обитая до того, как попасть в чей-то супчик в дикой природе, налопалась летучих мышей, которые оказались носителями... этого самого ковида... Правильно прочитал? Да, ковид.

– Хватит чушь нести!

– И теперь, вместо того чтобы праздновать свой китайский Новый год, китайцы, похоже, будут сидеть на карантине за своей Великой Китайской стеной. Что, конечно, не добавит величия ни им, ни стене, но зато прикольно. Этот вирус с короной, иначе коронавирус, стремительно распространяется. Глядишь, все мы сядем на карантин. Стоит ли бронировать отель сейчас? Погоди пару месяцев.

– Да их пол-Москвы этих китайцев было на наш Новый год! Какой карантин? Опомнись! Вовсю уже бронируют, я на работе у кого ни спрошу, все куда-то едут. Пока мы ждем новостей о каком-то там вирусе с короной (Господи, что только ни придумают), все стоящие отели уже будут на стопе. Скажи лучше, куда мы поедem, в Грецию или на Кипр? А, может, в Италию? Я собираюсь написать своему турагенту, – озабоченно сказала Саша.

У Леонидова сразу испортилось настроение. О дорогом отдыхе за границей он и слышать не хотел после того, как перестал быть самым гениальным сыщиком Москвы и Московской области. Ушел с любимой работы после истории с Сажиным, которая перепахала Алексея так, что оставаться на службе у государства он больше не мог. Любовь к криминальным ребусам осталась, к их разгадыванию, но вот новые методы, официальные имеется в виду, Алексея больше не устраивали.

Летом он нашел себе занятие: уехал на дачу и безвылазно жил там, что-то сажая, копая и даже пропалывая. Увяз в

быту, одним словом, и превратился в обывателя, «дядю Лешу из домагдеживетучилка». Сашу в деревне все знали, она раньше занималась с детьми на летних каникулах, репетиторствовала. И сейчас иногда соглашалась, когда надо было подтянуть ребенка по русскому языку, но уже больше по дружбе, чем ради заработка.

– Мне неловко брать деньги со своих, – жаловалась Саша. – Они ведь мне как родные, наши, деревенские.

– Вот и я не могу, – вздохнул Алексей. – То грядку надо вдове вскопать, то матери-одиночке забор поправить. Я так же как и ты, безотказный. Неправильные мы с тобой люди, жена. А лучше сказать, неловкие.

– Зато честные.

– Аргумент. Жаль, что честность на хлеб не намажешь.

– Я хорошо зарабатываю.

– А я?

– Леша, мы же договорились: не поднимать эту тему.

– Вот я и молчу. Но думать-то ты мне об этом не запретишь, – сердито сказал Алексей.

Так и жили, делая вид, что ничего не случилось. Что Алексей просто в очередном отпуске, который затянулся.

Одно время даже показалось, что отпустило. У соседа угнали машину, и Алексей с энтузиазмом принялся ее искать, поскольку правоохранители делали это без надлежащего усердия. И, соответственно, без результата. Трехлетняя «Инфинити» как в воду канула.

– А вот я найду! – бахвалился Алексей. – Потому что я лучший сыщик в Московской области!

Он подумывал открыть частное детективное агентство и решил, что для начала это хорошая практика. Попробовать себя в качестве частного сыщика.

Сосед меж тем пулей понесся в московский офис подавать заявление на выплату страховки от угона. Что Леонидова и насторожило, вкупе с сайдингом «под камень», когда гастарбайтеры принялись огораживать строительными лесами дом «потерпевшего» двухметровым забором, который сосед принялся вдруг возводить вокруг своего участка, и фейерверком на именины, куда Леонидовых не позвали. Хотя раньше без их присутствия грандиозные праздники на соседнем участке не обходились.

И тут Леонидов некстати вспомнил, что случаи мошенничества с угонами машин резко участились. По инерции он по-прежнему просматривал хронику происшествий и криминальную статистику. А машина как сквозь землю провалилась, никто в деревне ничего не видел и не слышал. Но при этом глаза отводили в сторону, когда Леонидов задавал свои сыщицкие вопросы. А делал он это профессионально.

«Опять я лезу, куда не надо», – с досадой подумал Алексей. «Машину никогда не найдут, потому что ее уже продали по дешевке куда-нибудь в Дагестан, перебив номера, а то и перекрасив. Не исключено, что в нашей же деревне, в одном из гаражей. К гадалке ходить не надо. У него же КАСКО бы-

ла. И глаза у него жуликоватые. Давай уже по-честному: не будь он твоим соседом по даче, ты бы к нему и близко не по-дошел. Вы разные люди. Очень уж разные. И пить бы с ним ты не стал. Соседей не выбирают, и общаться волей-неволей приходится. С соседями лучше дружить, чем враждовать. Спокойнее... И Саша общительная. У них, опять же, дочка, с которой тусуется Ксюша. Но машину он сам у себя украл, это факт. А я больше не мент. И у каждого своя правда. Кто я такой, чтобы его судить?»

Когда к Алексею пришли из страховой компании, как к свидетелю, потому что у страховщиков тоже возникли подозрения, он промолчал о своих догадках. А потом презирал себя за это. А сосед на другой день зашел с бутылкой и словами «я знал, что ты человек».

– Господи, что должно случиться, чтобы люди, наконец, пришли в себя? – в отчаянии сказал Алексей жене. После того как закончился «сердечный приступ», которым он отговорился, чтобы не пить с соседом водку. Разыграл как по нотам. – Это какой-то беспредел, каждый гребет под себя, не считаясь с интересами других. Хапают и хапают. Честного человека надо с фонарем Диогена искать. Кстати, мудрый был старик. Правильно подметил, что литераторы изучают бедствия какого-нибудь Одиссея и не ведают собственных, математики следят за солнцем и луной и не видят того, что у них под ногами, ораторы учат правильно говорить, но не учат правильно поступать, скряги ругают деньги, а сами любят их

больше всех. Сплошное лицемерие. До нашей эры сказано, а что изменилось? Актуально как никогда.

– Кто бы говорил, – пожала плечами Саша, явно обидевшись за литераторов. – Что тебе мешало сказать страховому агенту, что твой приятель жулик? Но ты же этого не сделал. Сыщики ругают свидетелей, которые боятся дать показания, а сами обманывают правосудие, – продолжая твою мысль. Точнее, Диогена.

Я больше не служу в органах! – вспыхнул он.

– Потому и бесишься. И мне не нравится твое увлечение философией. Диогена он читает! А не далеко ли ты забрел, Лешенька? В какой там век до нашей эры? Ау!

– Намекаешь, что я сижу у тебя на шее? Пора бы и честь знать, Алексей Алексеевич. Пожалуйста на работу. Помнишь Сажина? Во что я из-за тебя вляпался?

– Из-за меня?! – ахнула Саша.

– Кто говорил: «На что мы будем жить?»

– Но ведь это несправедливо! И ты сам это знаешь!..

И теперь, когда жена заговорила об отпуске, Леонидов эту ссору вспомнил. И сказал:

– Знаешь, что я решил?

– И? – вопросительно посмотрела на него жена.

– Я хочу продать мамину квартиру. Все равно там год уже никто не живет.

– Ты ведь не хотел ее продавать, – удивилась Саша.

– Сергей живет у своей девушки, Ксюша, похоже, никогда

от нас не съедет. Она привыкла жить на всем готовом. Зачем притомляться, если есть мама? И папа. В любом случае у нас будут деньги. Которые можно положить на счет. Понадобится – купим квартиру дочери, или сыну. Или я, допустим, открою детективное агентство. Не хочу ездить отдыхать за твой счет.

– Следить за неверными супругами? – вскинула брови Саша. – Ты же всегда над этим издевался.

– Давай сначала квартиру продадим.

– Это твое наследство, поэтому я не вправе вмешиваться.

– Вот именно: мое. Короче, я звоню знакомой риелторше.

– Заскучал? – усмехнулась жена. – Тебе женщина нужна, чтобы встряхнуться?

– Да, эта подойдет. Ей семьдесят уж наверное с хвостиком.

– Тогда какой же она риелтор?! Ты хочешь, извини меня, семидесятилетней бабушке доверить продажу своей московской квартиры?!

– Эта бабуля молодых за пояс заткнет. Тебя ждет сюрприз.

– Тебе так приспичило продавать квартиру именно сейчас?

– Боюсь, потом будет поздно. Интуиция мне подсказывает, что к этому коронавирусу напрасно относятся столь несерьезно. Сейчас надо избавляться от лишней недвижимости и уходить в кэш. Покупателя мы сразу не найдем, надежда только на мою бабулю. Она продавать умеет. И мне должно, наконец, повезти.

2020 февраль

Ему и в самом деле повезло. Правда, когда Алексей узнал подробности сделки, он пришел в ужас:

– Да разве такое возможно?! Четыре ячейки, одних риелторов семь человек! В сделке ведь участвуют владельцы трех квартир! Да еще ипотека у одного из продавцов, он же покупатель! Только вы, Альбина Андреевна без помощников обходитесь, все остальные с ассистентами. Да как же мы сможем эту многоступенчатую сделку проверить?! Это какой-то высоченный слоеный пирог, который в печку не влезет. Мы его ни испечь не сможем, ни съесть.

– Да ладно! Ты мне только скажи, Леша: ты готов?

– К чему? К сложностям? Только Сашу не будем впутывать.

– Без нее обойдемся, ты – собственник. Надо только взять у Александры нотариально заверенное согласие, что она не против того, что ты продаешь квартиру. А больше ничего ей не говори. Хорошо, что мы хоть этих покупателей нашли. Все колом встало. И весь рынок недвижимости. Видишь, небось, что творится. Нам надо сейчас проскочить под занавес. Придется рискнуть.

– Что ж... Запускайте процесс!

– Молодец! Горжусь! С Богом, Леша. И пусть нам повезет...

Верещагины

– Надо срочно пристроить куда-нибудь эти деньги, слышишь, мама?

Макар посмотрел в зеркало, и с досадой посплюнув палец, стал прилаживать редкие рыжеватые волосенки на маковку, туда, где зияла плешь. Словно хотел их туда приклеить, да только получалось плохо.

– Да лучше бы ты женился, наконец, сынок.

– Жениться никогда не поздно. Чем я старше, тем меньше конкуренция в моем ценовом сегменте. То есть, я хотел сказать, на рынке женихов. – Макар, набычившись, посмотрел в зеркало. Куда они деваются, леший их дери, эти волосы? Еще вчера их явно было больше.

– Только и слышишь от тебя: рынок, цены, дебет-кредит... Выгодно – невыгодно. Ты вон, наполовину лысый уже, Макарушка. Сколько девушек хороших тебе сватали, некоторые даже домой приходили. А ты все: деньги, деньги...

– Вот пристрою эти – и женюсь. Зря я, что ли, суетился? Такую комбинацию провернул! Не подкопаешься.

– Стыдно-то как, Макар.

– Кому стыдно? Тебе? Вон, в Инете сколько терли. Пенсионерка из Подмосковья выиграла в лотерею пятнадцать миллионов. Ты, мать, звезда у нас.

– Да, уж, звезда!

Валентина Степановна со вздохом посмотрела на единственного сына. Еще когда Макарушка был ребенком, подруги завистливо говорили:

– Повезло тебе с сыном, Валька! Никогда ничего не просит. Моему, вон, то игрушку подай, то шоколадку. В магазин с ним боюсь ходить. В кошельке-то пусто. До полочки то рубль, а то и трешку стреляем. А твой стоит, смотрит. И молчит.

Макар и в самом деле ничего не просил. Стоял, набычившись, глядя на витрину со сладостями. Иногда шевелил губами. Валентина Степановна одно время пугалась: сам с собой разговаривает, ты подумай! Неужто больной? К невропатологу его надо отвести. А не то – сразу к психиатру.

Но потом она узнала, что сын просто считает. Сколько, допустим, в одной шоколадке батонов хлеба? А если не купить игрушку, сколько можно съесть шоколадок? А если и игрушку не покупать, и шоколадки не есть, а деньги эти складывать, то сколько получится отложить в месяц? А за год?

Макар так играл. В экономию. Мысленно копил родительские деньги, осуждая мать за транжирство. Отец Макара был прижимист, но иногда его прорывало. Мог месяц, другой, а то и полгода держаться, экономить на всем, скряжничать, а потом вдруг повести семью в ресторан.

– Эх, один раз живем!

Мать Макара рестораны не любила и почти ничего там не ела. Сидела нахмурившись. Макар понимал, что она жале-

ет деньги, выброшенные на ветер. И думает, сколько можно было бы купить нормальных продуктов, а не давиться давно опостылевшими макаронами с болгарским кетчупом или просто посыпанные сахаром. Потому что отец и на кетчупе сэкономил.

Макар поочередно осуждал то мать, то отца. По нему, так оба жили неправильно. Еще в школе он подсчитал, что выгоднее всего быть поближе к руководству. К директору школы, например, или к завучу. Вести какую-нибудь общественную работу, тогда хорошие оценки достанутся малой кровью. Не выучил урок – поставят не двойку, а точку. Верещагин ведь общественник, занят был, сценарий новогоднего вечера с завучем по внеклассной работе обсуждали. А потом трудовой лагерь, Верещагин-то комсорг. Правая рука начальника этого самого лагеря. Надо съездить туда, домики посмотреть, расписать народ по бригадам, продумать досуг. Без Макара как без рук. Вот и ставили ему оценки не за знания, а уже тогда, в школе: за статус.

Из точных наук разбирался Макар только в математике, в том, что касалось подсчетов. Алгебра была его родной стихией. Но ни физика, ни химия, ни даже геометрия ему не давались. Над сечениями Верещагина учитель скептических хмыкал, сказав как-то при всех, что у «нашего общественника абсолютно отсутствует пространственное мышление». Макар ничуть не обиделся. Он это с детства усек: на начальство обижаться нельзя. А от учителя зависел средний балл

аттестата. Поэтому Верещагин над шуткой посмеялся вместе со всеми, и был вполне доволен четверкой, которую ему в итоге вывели.

Вуз он выбирал исходя из своих способностей. Верещагин решил стать экономистом. Или бухгалтером.

Но в девяностом, когда Макар оканчивал школу, все вдруг резко изменилось. Советский Союз развалился, партийные бонзы ринулись массово сдавать партбилеты, и комсорги стали не нужны, равно как и высшее образование вдруг резко обесценилось. Кандидаты наук и даже доктора пошли из своих академий и НИИ на рынок, торговать. А в стране начался бандитский беспредел.

Макар быстренько подсчитал, что бандитом быть невыгодно. Очень уж рискованное это занятие. Бандитские группировки вели непрерывную войну, и ближайшее кладбище стремительно прирастало крестами, которые уже не вмещались за ограду. Параллельно все бандиты отстреливали бизнесменов, которые отправлялись на то же кладбище. Там они ложились рядом, при жизни непримиримые враги, а теперь имена и даты на памятниках, погодки, ровесники, бывшие одноклассники и однокурсники...

Макар в эту кашу лезть не хотел. Не с одной стороны пуля прилетит, так с другой. А Макар все риски хотел исключить. И он пошел учиться на юриста, а вскоре пристроился помощником депутата, по знакомству, разумеется. Прилежного юношу, который большей частью помалкивал и был ак-

куратен с документами, заметили. Макар, который предпочитал держаться поближе к руководству, безошибочно находил лидера. Сам он в лидеры никогда не рвался, потому что это было невыгодно. В итоге, поднимаясь все выше и выше по ступенькам чиновничьей карьеры, Верещагин стал одним из замов префекта в московской управе. Железным вторым, с которым всегда приятно было работать. Место хлебное и работа непыльная.

Взятки он брал аккуратно, и всегда знал меру. Верещагин был талантливым взяточником. Не намекал, не выжимал, не выклянчивал. Он просто обставлял все так, что просящий просто не мог не дать ему взятку. Происходило это, как само собой разумеющееся. Это все равно что на столе вместе с другими продуктами всегда есть соль, и проситель машинально тянулся к солонке, чтобы улучшить вкус блюда, что бы он ни ел.

Проблема была в том, как эти взятки легализовать? Верещагин, который исключал любые риски, хотел, чтобы его деньги были белее белого. Несмотря на их безоговорочную черноту. Вместе с тем он был госслужащим, чиновником, и все его расходы подлежали строгому контролю. Если бы у него была жена и дети, их бы тоже проверяли. Но у Верещагина из родни была только мать. С двоюродными братьями и сестрами он не общался, боялся, что будут обращаться с просьбами. Помоги, пристрой, дай займы без процентов. Верещагин предпочел забыть, что помощником к депу-

тату, на первую ступеньку карьерной лестницы, его пристроила именно родня.

Вариант с лотереей ему понравился. Тут уж не подкопаться. Красивая история, о том, как любящий сын подарил маме на день рождения лотерейный билет. Просто чтобы развлечь, особо не надеясь на удачу. И – о чудо! Именно этот билет оказался выигрышным!

Осталось пристроить деньги. Ну а куда? Разумеется, в золотые московские квадратные метры. Верещагин долго считал, по давней своей привычке, которая была неискоренима. И нашел самый выгодный вариант. Хорошую трешку у метро по приемлемой цене, дешевле квадратный метр в Москве не стоил. Супружеская пара разъезжалась со взрослой дочерью, которая решила устроить, наконец, личную жизнь. Нужны были двушка и однушка.

Сложность сделки Верещагина не смущала. Напротив. Больше мути – сложнее что-то в ней разглядеть. Если всех хорошенько запутать, то можно все свои концы спрятать. Беспокоила Макара мать, которая вдруг разнылась:

- Что же будет, Макарушка? Чума ведь на нас идет!
- Какая еще чума?
- Да этот... вирус с короной! А ты квартиру задумал покупать.
- Ну а что, по-твоему, надо покупать? Бункер?
- Бункер не бункер, а домик с участком. Поедем в деревню, Макарушка, отсидимся.

– А как же работа? Вот я сейчас все бросил и поехал жить в деревню! Не чуди, мать.

Валентина Степановна тайком вытирала слезы. Звонила давняя подруга, у которой дочка застряла в Китае. В командировку поехала и попала в карантин. Рассказывала всякие ужасы:

– Валя, там трупы лежат на улицах! Всех заперли по домам! Особенно пожилых косит. Таких, как мы с тобой. Ты это... покупай спички и соль!

А сын затеял покупку квартиры! Ну, как его образумить?!

Макар отмахивался и называл мамину подругу выжившей из ума старой дурой. И зарядил риелтора готовить сделку. Надо было тщательно проверить все документы.

Итак, он покупал трешку у супругов Трухиных, и тут же на эти деньги Трухины покупали однокомнатную квартиру для себя и двухкомнатную для дочери, которая собралась замуж. И то им не хватало вырученных за трешку денег, на полтора миллиона Трухины брали ипотеку.

По словам риелтора, двушку продавал военный пенсионер, единственный собственник. Вариант беспроблемный – наследство. Чистая квартира, после смерти старухи никто в ней не был прописан, коммуналка уплачена.

Что до однушки, то это была инвестиционная квартира в новом доме. Собственник, опять-таки, один, замужняя женщина. Бухгалтерша какая-нибудь вложила в квартиру у метро, чтобы, когда дом будет готов, с выгодой ее продать.

Этот вариант был еще белее, в этой квартире вообще никто ни разу не был прописан.

Таким образом, Верещагину предстояло заложить три ячейки: в одну деньги для военного пенсионера, в другую за однушку, гражданке Маврушкиной Таисии, а в третью незначительную по сравнению с остальными сумму для Натальи Трухиной, которой зачем-то понадобились наличные.

Верещагин развеселился: «Ну и имечко! Таисия Маврушкина! Стариной пахло, когда бабы по светелкам сидели и пряли, или вышивали». Видать, проныра эта Таисия, или муженек ее ушлый, потому что новехонькая однокомнатная с недавним ремонтом, в хорошем районе и рядом с метро стояла дороже убитой двухкомнатной военного пенсионера.

Верещагин справился у риелтора, и узнал, что супруга Таисии Маврушкиной зовут Китаем. Китай Кимович Маврушкин. Верещагин не выдержал и расхохотался. Повезло мужику. Китай, ты подумай! Таисия да Китай! Забавная парочка.

Но оба мужика показались Верещагину железными товарищами, стопроцентно надежными. И он выбрал именно этот вариант.

В душу, как говорится, не влезешь.

И если бы Верещагин знал, что «военный пенс» выслужил свою пенсию в ментовке, он бы бежал от этой сделки, как от огня. И не случилось бы того, что случилось.

Но он сказал своему риелтору:

– Беру! Запускайте процесс!

И началась вся эта карусель, которая перепахала судьбу Макара Ивановича. Чуть ли не впервые в жизни Верещагин ошибся в расчетах. Но как ошибся!

Маврушкины

«Великая страна Китай», – говаривал его отец и к месту, и не к месту. Присказка была такая у Кима Маврушкина. Жена его, толстушка-хохотушка, смехом сказала в ЗАГСе:

– А че? Имя как имя.

– Но ребенку неудобно будет с этим именем жить, – тактично намекнула сотрудница ЗАГСа и взволнованно поправила очки. Не в первый раз она отговаривала родителей от странного имени, которое они хотели дать новорожденному. Обычно получалось. Но на этот раз мамочка уперлась:

– Че неудобно-то?

– Как вы его с улицы будет звать? Иди домой, Китай?

– Китом буду кликать, – рассмеялась Марфа Маврушкина. Которую муж, похоже, за имя и выбрал. Все Маврушкины были шутниками. «Марфушенька Маврушенька», – ласково звал свою дородную русокосую женушку Ким.

Сотрудница ЗАГСа сдалась и выписала свидетельство о рождении на имя Китая Кимовича Маврушкина.

Еще в детском садике его переименовали из Маврушкина во Врушкина. Кит Врушкин, таким он прижился во дворе, где рос, а потом и в школе. Что тут поделаешь? Присочинить Кит любил. Например, про имя.

– Мой папаня, пацаны, наполовину китаец, – заливал Кит, собрав в кружок приятелей. – Великая страна Китай! Бабуш-

ка у меня русская, а вот дед... – он брал паузу, чтобы подчеркнуть значимость своих откровений. – Познакомились они на границе. Дед мой был контрабандистом, а бабка жила аккурат у тайной тропинки, по которой китайцы шастали туда-сюда.

– Чего носили-то? Рис? – ржали пацаны.

– Золото-бриллианты, – таинственно понизив голос, говорил Кит.

– Во заливает! Скажешь еще, что имя у твоего отца китайское!

– А какое? – горячился Кит. – Ким – это только пол имени. А вторая половина – тайная.

На самом деле китайское имя для отца Кит еще не придумал, фантазии не хватило, а у отца он спросить не решался. Отец, который говорил «великая страна Китай», уж всяко знал про нее все. Мамка как-то обмолвилась, что КИМ – это коммунистический интернационал молодежи, да Кит ей не поверил. Интернационал – это скучно. Тогда при чем тут Китай? Не, тут другое. Тайна какая-нибудь семейная.

– Тогда почему у тебя фамилия русская? – наседали пацаны. – Раз у тебя дед китаец? Ты ж Маврушкин, а не Фу Ху... или как у них там?

– Бабка моего папаню на себя записала, незамужняя она была, че тут непонятного?

– А глаза у твоего отца, почему не косые? И вообще, голубые, кажись, как и у тебя.

– Бабкины глаза!

– И нос картохой тоже бабки? Ну а китайского чего?

– Китайская у меня, пацаны, душа. И характер. Я как муравей работающий. Папка так говорит.

– Во заливает! Да твой папаня, как и ты, врать горазд! Классухе наплел вчера, что вы собаку в ветлечебницу возили. Потому ты и прогулял контрольную. Сбили, мол, собачку злые люди, а Кит ее пожалел, умолил отца в лечебницу отвезти. Классуха аж прослезилась.

– А ты откуда знаешь? – окрылся Кит.

– Так мне дочка ее сказала, Танька! Мать ее вчера за ужином тебя хвалила. Какой, говорит, отзывчивый и чуткий мальчик. А ты просто контрольную не хотел писать, а папаша твой в гаражах с мужиками бухал. Собачку они в больницу возили, как же!

– А ты за Танькой ухлестываешь, да? Стала бы она тебе рассказывать, чего у них за столом говорят! – Кит ловко умел переводить стрелки. – У-у-у-у!!! Ухажер! Зятек училкин!

И пацаны перекидывались на незадачливого кавалера Татьяны, дочери классной руководительницы Китая Маврушкина. А тот, довольный, что безнаказанно прогулял контрольную, убеждался в том, что врать – это классно. Одним враньем можно в жизни пробыться. Ври, ловчи, наживайся...

Инвестировать в стройку Китай Маврушкин начал сразу после кризиса 1998, когда увидел, как стремительно растет цена на московские квадратные метры. Купил задешево на

котловане — продал втридорога, как только дом построили. Все хапают московские квартиры, потому как жизнь только здесь.

Недвижимость Китай оформлял частью на себя, частью на жену. Тася была копией его матери, Марфы Игнатьевны, иногда даже казалось, что это не свекровь со снохой, а мама с дочкой. Обе дородные, белесые, высокие, с формами. И хозяйки хорошие. А вот ума бог не дал ни одной, ни другой. Маврушкины их так и выбирали, что отец, что сын. За хозяйственность и формы.

Но в последнее время Китай жалел о своем выборе, и была тому причина. Молоденькая секретарша, которая пришла к нему устраиваться по объявлению на Авито. И Маврушкин дрогнул. Девушка была уж больно аппетитная, с формами, как он любил, с пышными бедрами, но еще не рыхлыми, не испорченными растяжками и целлюлитом, как у сорокапятилетней Таисии, родившей Киту двоих детей. Секретарша его внимание заметила, и кочевряжиться не стала. Дело почти уже сладилось, да нужны были деньги. Молоденькие девушки цену себе знали, когда на их прелести западали отцы семейства, которые были в два раза старше. Тут деньги, как говорится, вперед.

Почему Маврушкин и решил выставить на продажу однушку, записанную на супругу. Надо бы избавить Таисию от излишков недвижимости, а на эти деньги устроить уютное гнездышко новой жены, куда Кит со временем планировал

съехать. Таисии же пока соврать, что деньги сгорели. Банк там лопнул, или поставщик подвел. Неважно, что соврать, Тася наивная, всему верит. А он меж тем по-тихому бумаги для развода подготовит. Чтобы первой жене почти ничего не досталось. Да и алименты по минимуму платить.

Не то чтобы Кит не любил своих дочек, но он всю жизнь мечтал о сыне. И был уверен, что молодуха сына ему родит, и быстро. Поскольку он будет очень стараться.

Маврушкин особо не утруждался, сочиняя для супруги байки. Почему, мол, дома не ночевал, куда машина делась, а, главное, где деньги от бизнеса? Не идет бизнес, и все тут!

– Ты же видишь, Тася, что творится, – грустно говорил Кит. – Вирус с короной все рушит. Того и гляди, закроется все.

– Небось, не закроется, – отмахивалась жена. – А то мы раньше не грипповали!

– Великая страна Китай, раз оттуда началось, значит, все-рьез болезнь, – хитро прищурившись, говорил Кит.

– Как началось, так и кончится.

– Но квартирку твою лучше продать. Пока она в цене. Кто его знает, что дальше будет?

– Ну а деньги куда?

– В бизнес вложусь, – не моргнув глазом, врал Кит. Деньги он давно уже мысленно пристроил. И Тасе бы это ох как не понравилось.

Но она никогда с мужем не спорила в том, что касалось

бизнеса. Тася была домохозяйкой, яжематерью, наседкой. Ее старшая дочь Мария оканчивала в этом году школу и все Тазины мысли были о выпускном вечере. Чтобы дочка была не хуже других. Они с Машуней уже ходили по торговым центрам, выбирая платье. К дате-то все хорошее разберут. И потом: сам процесс так увлекателен! Бабка Марфа и та не удержалась. Полезла в заначку. А потом полезла в Инет, научили на свою голову! Дед Ким не подсел, и телефон у него был допотопный, кнопочный. Зато подсела бабка.

Две ее внучки не знали, куда деваться от бабкиной активности. Та требовала фотки из примерочных, и по громкой связи обсуждала с продавщицами, что нынче модно. Тася скрипела зубами, но послушаться не смела. Они со свекровью всю жизнь отлично ладили. До этого треклятого Инета, на который подсела бабка Марфа.

Эти дебаты о предстоящем выпускном вечере поглощали Таисию Маврушкину целиком, и она полностью доверилась мужу в том, что касалось продажи инвестиционной однокомнатной квартиры. В конце концов, Киту виднее, он же кормилец.

Подробности сделки Кит узнал, когда встретился с риелторами покупателя, которые сразу начали давить, что документов надо собрать много, и лучше поторопиться. Завязавшийся узел Маврушкина не смутил, напротив. Жена меньше поймет, и не будет чинить препятствий. А, скорее всего, вообще ничего не поймет, поскольку дурочка она. И денег

не увидит. Как только Таисия поднимется из хранилища наверх, Кит заберет у нее увесистый конверт с миллионами. И будет таков.

Если бы Маврушкин знал тогда судьбу этих денег! И о третьем участнике сделки. Увиделись они с Леонидовым в день, когда покупатель закладывал ячейки. И тут Маврушкин напрягся.

– Да, судьба, – натянуто улыбнулся он. – Где бы ни встретиться, Леха. Правильно говорят: Москва – большая деревня.

Леонидов был того же мнения.

Трухины

– Завтра встречаемся с продавцом, – и Маргарита Терентьева презрительно посмотрела на притихшего хозяина трехкомнатной квартиры, которую надо было подготовить к альтернативной сделке.

Работяга, неуч, всего боится. Нет, на работе он, конечно, мастер – золотые руки. В автосервисе работает, а автосервис – это золотое дно. Но в том, что касается документов, Мишаня Трухин – полный ноль. Всем баба его заправляет, Наталья. Ловко она это дельце обтяпала! Квартиру эту Трухин получил от предприятия, где работал в советское время, за-долго до того, как все развалилось. И Советский Союз, и завод, и жизнь простых работяг. Сама Наталья, продавец, была с Украины, лет сорок назад, тоже в советское еще время она приехала Москву покорять, сразу после восьмого класса. Пристроилась в швейное ПТУ, получила койко-место в общежитии. И вскоре подцепила Мишаню, такого же, как она лимитчика, но с перспективой получить жилье в столице.

Для того чтобы московских метров им отрядило бы государство побольше, Трухины исправно плодились. И им везло: дети у них были разнополые, соответственно, и получили они трешку. Квартира была хорошая: большая, светлая, в доме, стоящем почти у входа в метро, любовно обустроенная золотыми руками Мишани.

Сын вырос и съехал. Удачно женился, наплодил детишек. А вот дочка в родительском доме застряла. Шли годы, и Наталья Трухина начинала понимать, что удача перестала их с мужем баловать. Со снохой не заладилось, там сватья всем заправляла, а зять-примак ходил у обеих женщин на коротком поводке. С родителями виделся редко и большей частью молчал. Видать, перед визитом его хорошенько накачивали жена с тещей:

– Помощи будут просить – откажи. У тебя семья. У нас дача, огород, ремонт в квартире. Дети, опять же, маленькие у тебя. И живешь ты у нас. А о матери с отцом пусть сестра позаботится.

Наталья всерьез забеспокоилась, когда дочери исполнилось двадцать девять. И умница, и симпатичная, и хозяйственная. А замуж все никак не выйдет. Поэтому, когда Света привела, наконец, в дом мужчину, Наталья выдохнула с облегчением. Но потом узнала, что у будущего Светиноного мужа есть одно условие.

– У вас трешкомнатная квагтига, – ласково картавя, заявил свои претензии Олег. – Светочка имеет здесь свою долю. Нам бы хотелось жить своей семьей, – и он ласково погладил Светину руку.

Наталья заметила, как дернулась, было, дочь, но Олежек ее руку несильно сжал, словно намекая: говорю я. Но Наталья это больше напоминало торг.

– Но как же? – растерянно сказала она. – Что вы предла-

гаете-то?

– Газменять, – Олег невинно посмотрел ей в глаза. – На одно- и двухкомнатную. Вы уедете в однушку, а мы со Светочкой в двушку.

– Почему ж не наоборот? – квартиру Наталье было жалко до слез, столько вложено в нее, столько лет здесь прожито. И Света здесь родилась, а теперь чужой мужик ей дороже всего. И родного дома тоже.

– У нас ведь будут дети, – нежно посмотрел на нее Олег. – Ваши внуки, Наталья Александровна, – он безошибочно определил, кто здесь все решает.

А Наталья невольно вспомнила сына и его детей, своих внуков, которых видела только по большим праздникам. Ох, сдается, и этот такой же! А не то – хуже! Маслений какой-то, скользкий, и глаза холодные, жабы. Нет в них любви, один расчет. Господи, куда дочка-то смотрит?

– Мама, ты хочешь, чтобы я осталась старой девой? – рыдала Светлана после того, как Олег ушел. – Тебе квартиру жалко?! А меня тебе не жалко?!

Наталья подумала, что, в конце концов, есть хороший дом у нее на родине, где живут престарелые родители, но зато Наталья – единственная наследница, есть дача, на которую Олег не претендует. И им с отцом вполне хватит однушки. Уже и до пенсии не так далеко. И руки у Мишани золотые. На кусок хлеба с маслом всегда заработает.

– Да пусть подавится! – в сердцах сказала она мужу, отпу-

стив в адрес будущего зятя непечатное слово.

И полезла в Инет, искать риелтора. Так получилось, что момент Наталья выбрала неудачный. Все нервничали из-за этого проклятого коронавируса, рынок недвижимости практически встал. Риелторы выжидали, связываться с альтернативной сделкой никто не хотел. Откликнулась только Терентьева.

Но Наталье она понравилась. Даже Мишаня сказал:

– Ушлая баба.

Эта «ушлая баба» быстренько договорилась с его женой, которую вскоре уже звала Натахой. Вариант, который нашла Терентьева, Трухиных не устраивал, потому что денег от продажи их трешки на две квартиры и новую мебель не хватало. Но, видимо, у Терентьевой был свой интерес, потому что она потащила Натаху смотреть однушку:

– Ты посмотри, какая прелесть! А ремонт? Обои-то, какие, а? – и Маргарита ласково погладила холодную серую стену. Обои были самые обычные, разве что новые. Но Терентьева умела продавать. – Вам и делать ничего не надо будет. Заезжай и живи.

Зато двушка оказалась убитой. Здесь явно требовался ремонт.

– Как же, Рита? – жалобно спросила Наталья. – Ведь ты обещала... Нам ведь на ремонт не хватит. И мебель надо бы обновить. Света в эти «хоромы» может и поедет, а вот Олег – вряд ли.

– Возьмете ипотеку, – уверенно сказала Терентьева. – Мишаня по-быстрому переклеит обои, побелит потолки, заменит плитку в ванной комнате, а ты закажешь мебель.

Она уже потихоньку обрабатывала Трухину. Мол, муж у тебя лопух, недалекий, пришибленный, всего боится. У тебя под каблуком. Вот и повесь на него полтора миллиона. Подпишет, не глядя, все, что подсунешь.

– Ты еще молодая, красивая, – нашептывала Терентьева. – Много ты в жизни видела? Хоть раз мужику своему изменила?

– Я от него плохого не видала. Таких мужей как Миша еще поискать.

– А я и не говорю, что надо его бросить. Муж мужем, а любовник любовником. Погоди – я тебя познакомлю. Провернем сделку – в ресторан пойдем.

– А как же Мишаня?

– Мишаня будет обои клеить, – рассмеялась Терентьева.

И Наталья сдалась. Квартирка ей понравилась. Новые. Даром что однушка, площадь почти как у Светиной двухкомнатной. И прачечная имеется. Санузел отдельный. Главное, чтобы зять на нее не позарился, на эту квартиру.

Но Олег, у которого начались проблемы на работе, однушку смотреть не стал. В связи с коронавирусом многих переводили на удаленку. Понимая, что, возможно, не один месяц ему придется просидеть дома, будущий Светин муж хотел лишь одного: поскорее провернуть сделку с недвижимостью.

И въехать в двухкомнатную квартиру супруги, где устроиться с комфортом на весь период самоизоляции. Как догадалась Наталья, у будущего зятя были серьезные жилищные проблемы, отчего он и торопился их решить.

Но доискиваться до правды ей было некогда. Терентьева давила, она звонила Наталье, чуть ли не каждый день. И, в конце концов, повела ее на встречу с продавцом. Сначала однушки, а потом двушки.

Увидев Таисию Маврушкину, Наталья сразу поняла, почему ей так понравилась ее квартира. Обои, ламинат и плитку в санузлах выбирала Таисия, а вкусы у них с Трухиной совпадали. И вкусы, и интересы. Похожие биографии, двое детей. Разве что Таисия была помоложе, но выглядела она хуже Трухиной, поэтому женщины казались почти ровесницами.

Это утвердило Наталью в ее выборе, и даже встреча с владельцем второй квартиры не испортила ей настроение.

Худошавый спортивный мужчина невысокого роста с пронзительными голубыми глазами больше слушал, чем говорил.

– Понимаю, – кивнул он, – квартира не айс. Я хотел сказать, что ремонт перед продажей не мешало бы сделать. Но решение было принято спонтанно...

Наталья поморщилась: чудно говорит. И беспомощно посмотрела на Риту.

– Почему нет справки из нарко- и психодиспансера? –

встряла та. – И обязательно с беседой.

– Что подразумевает дополнительные расходы, – усмехнулся хозяин квартиры. – А вы не осложняете ли, уважаемая?

– Вы мне спасибо должны сказать, что я нашла покупателя на вашу халупу с бабушкиным ремонтом! – взвизгнула Терентьева. – Знаете, сколько квартир сейчас продается в вашем районе?!

– Ваш выход, Альбина Андреевна, – улыбнулся мужчина. Наталья с удивлением посмотрела на древнюю бабку в очках с плюсовыми стеклами. Это кто, риелтор?! Да им, этим бабкам, сказано по домам сидеть! У них проездные заблокированы! Как она добралась-то сюда, эта старушенция?

– Вы когда планируете выйти на сделку? – ласково спросила бабуля у Риты.

– В середине марта!

– Я думаю, все заинтересованы в том, чтобы заложить ячейки как можно раньше, – тихо сказала бабуля. – Пока не закрыли депозитарий.

– Но Юлия Федоровна занята! У них дом новый и проблемы с оформлением!

– Какая Юлия Федоровна?

– Риелтор из «Кристико», – с придыханием сказала Терентьева. Она сама мечтала работать в «Кристико», и там были лучшие специалисты по недвижимости.

– Ах, Юлия! – расплылась в улыбке бабуля и взялась за свой

допотопный кнопочный телефон. Терентьева с презрением смотрела, как бабка тычет пальцем в этого обклеенного скотчем монстра. – Юленька, привет! Ты не на Канарах? Нет, пока? Слушай, мы тут с тобой по сделке пересекаемся. Трехкомнатная, да... Ах, не знала, что я это веду! Теперь знаешь. Давай-ка выйдем на сделку в начале марта, чего тянуть? Отлично. Конечно, позвоню. И в банке договорюсь. Ты же меня знаешь. Все, на связи. – Альбина Андреевна дала отбой и пронзительно посмотрела на Терентьеву: – Сделка будет в начале марта.

– Но нам надо оценочный альбом...

– Ваши проблемы, – Альбина Андреевна перевела твердый, как алмаз, взгляд на Наталью Трухину, резанув им покупательницу: – Вы ведь заинтересованы в том, чтобы все сделать побыстрее?

– Конечно! Я тоже переживаю из-за этого вируса, – энергично кивнула та.

– Переживать не надо, – спокойно сказала Альбина Андреевна. – Дело надо делать. Справки свои вы получите, уважаемая, – она насмешливо посмотрела на Терентьеву. – Составьте список необходимых вам документов и скиньте мне на электронную почту, я посмотрю. И еще... – она сделала выразительную паузу, – ...если кто-то из людей, способных решить наши, – она подчеркнула слово «наши», – проблемы не выходит с вами на связь и тормозит процесс, звоните, пожалуйста, мне.

– А вы всех знаете? – ехидно спросила Терентьева.

– Да, – спокойно ответила Альбина Андреевна, – *я знаю всех*. А, главное: все знают меня.

2020 март

– Леша, есть большая вероятность, что нас после каникул переведут на дистанционное обучение, – взволнованно сказала Саша. – Школы собираются закрыть. А каникулы, скорее всего, начнутся раньше.

– Вот и хорошо, – улыбнулся Леонидов. – Ты же все время жаловалась, что зашиваешься на работе. Что тебе надо рано вставать, причесываться и краситься. Твой гардероб постоянно нуждается в обновлении, потому что ты на виду. А на дистанционном обучении все эти проблемы снимаются.

– Да, но появляются другие! – в сердцах сказала Саша. – Как ты не понимаешь: ни мы, ни дети к этому не готовы!

– Ты не знаешь компьютер? – откровенно удивился Алексей. – А мне всегда казалось, что ты – продвинутый пользователь, – насмешливо посмотрел он на Сашу. – Если что – Ксюха поможет. С организацией дистанционного обучения.

– Да Ксюха первая станет хлявить!

– Не станет, у нее ЕГЭ.

– Вот-вот! ЕГЭ! Дети же не успеют должным образом подготовиться!

– Ты как всегда пересерьезниваешь, милая, – ласково сказал он. – Дочь в тебя пошла: ответственная. И в гуманитар-

ный вуз собирается поступать.

– А я думала в тебя, – фыркнула Саша. – Одни мальчишки на уме!

– У меня мальчишки на уме?!

– У тебя девочки. Я о сути. Твоей и дочери. Все бы вам развлекаться.

– Да не до развлечений сейчас. Кстати, на днях у меня сделка, – Алексей постарался сказать это небрежно. Шуткали! Почти семь миллионов! Хоть телохранителя нанимай! Время-то, какое!

Хотя Алексей был уверен, что прекрасно справится сам. Единственно, он не знал: перевести эти деньги в валюту, или оставить в рублях? Позвонил знакомому бизнесмену, опытному в таких делах товарищу, тот рассмеялся:

– Сейчас все, у кого много валюты, ее продают. Курс резко пошел вверх. К лету он упадет.

– Значит, оставить деньги в рублях?

– Только в банк не носи.

– А куда? Дома под матрасом хранить?

– Слушай, Леха, сейчас никто ничего не знает. И я не дельфийский оракул. Покупать доллары и евро поздно, это однозначно. В банк нести рискованно, начинается мировой экономический кризис. Причем такой, что 98-й нам раем покажется.

– Ты серьезно?! – Алексей невольно вспомнил, как тащил из магазина коробки с макаронами и подсолнечным маслом.

Тогда же он встретил Сашу, в том роковом 98-м...

– Не вовремя ты квартиру решил продать. Хотя... Потом, может, и вообще не продашь. Некому покупать будет. Вернее, не на что.

– Вот спасибо, утешил!

– Никто ничего не знает, Леха, – повторил приятель. – Ну, кто мог предположить, что ситуация с короной выльется в пандемию? Наши, вон, из-за границы массово возвращаются. А у многих там недвижимость. Налоги-то все одно надо платить. Эх, мне бы *твои* проблемы!

Эту фразу Алексей сейчас слышал ото всех. Потому что у всех были проблемы. У кого с работой, у кого с бизнесом, у кого со здоровьем. Много разных проблем. И каждый, разумеется, считал свои проблемы самими серьезными.

– Хуже всего тем, кто сейчас в больнице, – буркнул Алексей. – А нам жить и радоваться.

– Это ты в точку сказал, – вздохнул приятель. – Ладно, бывай, – и он дал отбой.

Поскольку процесс был запущен, отозвать Альбину Андреевну Леонидов не мог. Она и так с огромным трудом нашла покупателя. Значит, надо идти до конца.

Сашу он постарался в это дело не впутывать. Только отвел к нотариусу за справкой. Подтверждающей, что супруга А. А. Леонидова не возражает против продажи им доставшейся в наследство недвижимости. Алексей не был уверен, что такой документ нужен, но риелтор покупателя Маргари-

та Терентьева, похоже, закусила удила. И он решил подстраховаться, чтобы в решающий момент сделка не сорвалась.

— Больше от меня ничего не нужно? — подозрительно спросила Саша, оглядев очередь в приемной. Человек пять томились в ожидании, пока им вынесут готовые документы.

— Нет, милая, больше ничего.

У Алексея было дурное предчувствие. Он уже проклинал свою интуицию. Вроде бы все чисто, Альбина Андреевна опытный риелтор, с квартирой никаких проблем, все документы в порядке.

...Время...

Время наступило такое, что ни в чем нельзя быть уверенным наверняка. И бессмысленно строить планы, потому что наступила новая реальность, а точнее, ненормальность. События развивались с такой стремительностью, что у Леонидова возникло чувство, будто с гор идет лавина. Тревожный гул раздавался отовсюду. Европа закрывала границы и сажала людей на жесткий карантин. Тех, кто протестовал и выходил на улицу, безжалостно штрафовали. Первые заболевшие появились и в России, разумеется, в Москве. Туристов, вернувшихся из Европы, а в особенности из Италии, начали отлавливать и запирали в инфекционных боксах.

Среди людей началась если не паника, то тревожное состояние возникло у многих. Что будет? Накроет ли пандемия Россию? И если накроет, то как будет с работой, с учебой? Не говоря уже о досуге. Уже прошла информация, что

собираются закрыть кинотеатры, а потом и фитнес-клубы.

«А я тут квартиру продаю», – усмехнулся Алексей, забывая у девушки, вышедшей из кабинета нотариуса заверенное согласие супруги.

Саша поспешно встала:

– Идем! Я столько времени здесь потеряла!

Если бы они тогда знали, что время вообще встанет! И его у них будет вдоволь. На все. То есть на все, что им останется после введения всех ограничений.

Но в этот удивительно теплый мартовский день Алексей был настроен решительно, бодр, свеж, и полон оптимизма.

Сделка

В банк он поехал на машине. Справки из психо- и наркодиспансеров у Алексея были с собой, остальные документы собрала Альбина Андреевна, частью используя свои связи. Сделать это надо было быстро.

До последнего Алексей думал, что сделка сорвется. Ведь остальным участникам этой сложнейшей комбинации тоже надо было подсуетиться.

Суета... Это ощущение не оставляло Алексея на протяжении всех невыносимо долгих часов, которые он провел в тот день в банке. А застряли они там надолго. Почему-то самая длинная очередь была в депозитарий, и проводили там люди так много времени, что это настораживало. Алексей всерьез задумался. Что происходит?

Видимо, кто-то располагал информацией о дальнейшем развитии событий. Или просто подстраховывался. Алексей глядел на всю эту суету и сомневался в правильности принятого решения о продаже квартиры. Сейчас рынок встал, а что будет завтра? И с ценами тоже.

Люди сами на себя не похожи, все нервничают. Это он отметил в первую очередь.

– Нам куда? – спросил он Альбину Андреевну, дождавшись ее у входа в банк.

– В переговорную. Надеюсь, все в сборе, – та взволнован-

но посмотрела на часы. – У меня сегодня еще два просмотра. Сын страхует, но он многих тонкостей нашего ремесла не знает.

– Только не бросайте меня! – взмолился Алексей. Мысль остаться одному в этой разношерстной компании донельзя взволнованных людей приводила его в ужас.

Он, как в спасательный круг, вцепился в свою бабульку-риелтора. Она была невозмутима. Вздохнула только:

– И куда вы так спешите, молодежь? И почему так кричите? Радуйтесь жизни, хорошей погоде. Все остальное суета сует.

«Однако... И отчего, интересно, все так суетятся?» – невольно подумал Леонидов, войдя в переговорную, указанную Альбиной Андреевной. «То ли нервничают из-за сложности сделки, то ли дилетанты, то ли боятся, что депозитарий закроют из-за коронавируса, то ли есть другая причина».

Невольно он и сам начал волноваться и суетиться. О чем впоследствии горько пожалел. Надо было, дураку, смотреть и слушать в оба глаза и уха. Но кто же знал?

– Альбина Андреевна, почему все так нервничают? – еле слышно спросил он у своего риелтора, когда они уселись на стулья, пристроив на вешалку плащ Альбины Андреевны и джинсовую куртку Алексея.

– Риелтор у Трухиных слабоват. В Юле я уверена, а вот Терентьева... По слухам, Леша, она злоупотребляет. Да и другие, дама с помощницей, которые ведут покупателя трешки.

Этих я вообще не знаю. Похоже, новенькие.

Леонидов внимательно оглядел собравшихся в переговорной людей. Надо сосредоточиться. Речь, как-никак, идет о семи миллионах!

Рыжеватый рыхлый мужчина с редкими волосами и светлыми, то ли серыми, то ли мутно-голубыми глазами навывкате, похоже, и есть главный участник этой сложной сделки. Именно он за почти пятнадцать миллионов, причем наличными, покупает трехкомнатную квартиру. Но он-то как раз спокоен в отличие от других, хотя на его месте Алексей нервничал бы больше всех. Одно звено подведет – и такая дорогая и желанная покупка сорвется. Или у мужика денег куры не клюют?

Рядом с ним сидела пожилая женщина на вид лет семи-десяти, с усталым, измученным лицом. Хотя, квартиру, как сказала Альбина Андреевна, сын покупал ей. Но радости на лице у Верещагиной не было, а взгляд у нее был затравленный. Словно бы ее заставили согласиться на эту покупку.

– Хорошая квартира, – сказала Альбина Андреевна на ухо Алексею. – Район благоустроенный, до метро рукой подать, продуктовые магазины под боком. Стоит своих денег.

Но Верещагина почему-то не радовалась. Алексей, у которого была прекрасная фотографическая память, невольно напрягся. «Почему мне так знакомо ее лицо?» – подумал он.

– Где-то я его видела, – шепнула Альбина Андреевна.

– Кого? – он невольно вздрогнул. Оказывается, они дума-

ли об одном и том же.

– Покупателя. Лицо знакомое.

– А я определенно где-то видел ее. Мать, – пояснил он.

Они с Альбиной Андреевной переглянулись. Рядом с Верещагиными сидела полная женщина в пронзительной розовой кофте. Пронзителен был цвет, нелепый фасон, рукава-фонарики и баска, да еще в изобилии нашитые по переду пайетки! Эта кофта оказалась самым ярким пятном в переговорной, где от такого количества участвующих в сделке людей стало тесно. Невольно все смотрели на розовую кофту, и Алексей тоже. Он понял, что эта дама – риелтор Верещагиных, про которую всезнающая Альбина Андреевна сказала, что видит ее впервые. И ранее ничего о деятельности дамы и ее помощницы не слышала. Помощница топталась в коридоре, у диванчика, на который то садилась, то вскакивала. Явно нервничала.

– Все в сборе? – строго спросила Альбина Андреевна.

– Ждем моих Маврушкиных, – весело сказала Юля. То бишь, Юлия Федоровна, боевая подруга Альбины Андреевны. Приятная женщина средних лет, одетая в отличие от своей коллеги в розовой кофте со вкусом. В брючный костюм горчичного цвета, который изысканно дополняли крупный кулон из янтаря и такой же браслет. В ушах у Юли тоже висели янтарные серьги, которыми она то и дело встряхивала, словно ей было приятно прикосновение к обнаженной шее вобравших в себя солнечный свет камней.

У Юли тоже была помощница, которой не хватило места в переговорной, но она не бегала туда-сюда, а спокойно ждала у двери распоряжений своей начальницы.

– Маврушкиных? – Алексей невольно напрягся. Таких совпадений не бывает. Фамилия довольно редкая.

– А что, знакомые? – подмигнула ему Юля. Похоже, хочутушка-веселушка. Юлин вид заметно поднимал Алексею настроение. Он заметил, что и Верещагин приободрился. И даже втянул живот.

– Если назовете мне имя-отчество своего клиента, я вам точно скажу, знакомые или нет, – улыбнулся Юле Алексей.

– Квартиру продает супруга. Она – единственная собственница. Таисия Ивановна Маврушкина. Впрочем, имя ее супруга мне тоже известно. Такое не забудешь, – Юля хохотнула. – Китай Кимович.

– Нет! – невольно вырвалось у Алексея.

– Что такое? – удивленно повернулась к нему Альбина Андреевна.

– Черт! Ну почему я не знал об этом раньше?!

– Но в чем дело, Леша?

– Это мой сосед по даче.

– Да это разве проблема? – обе риелторши с облегчением рассмеялись.

– Москва – большая деревня, – опять подмигнула Леонидову Юля. – Не вижу никаких препятствий к сделке в том, что один из ее участников – ваш давний приятель. Сколько

лет у вас дача?

– Много, – мрачно сказал он.

Леонидову вовсе не было так уж приятно затесаться в одну компанию с Китом Маврушкиным для того, чтобы получить одновременно с ним свои деньги. Точнее, совсем не приятно. Потому что Маврушкин и был тем самым соседом, у которого якобы угнали летом машину. И насколько Алексей был в курсе, «Инфинити» Кита так и не нашли. А страховку он получил.

Алексей подозревал, что имело место быть наглое мошенничество. И вот теперь он с Китом сядет в одной переговорной, и будет на его глазах считать миллионы. А потом они вместе спустятся в хранилище, закладывать ячейки. И Кит будет знать, сколько в результате этой сделки Леонидов получит денег.

«Но я тоже буду знать, сколько получит он. Почему же мне так неприятно, что Кит инвестировал в стройку? Отрастил квадратные метры, и теперь с выгодой их продает. Он всегда был человеком предприимчивым, и я об этом знал. Да, но его предприимчивость порою носит криминальный характер. И это мне не нравится», – напряженно подумал Алексей.

– Тю! Леха! Привет! – Маврушкин сунулся в переговорную и вдруг увидел знакомое лицо. – А ты здесь какими судьбами?

Маврушкин уже протягивал ему руку, и Алексей, скрепя сердце, протянул свою.

– Да, получается, Кит, что мы с тобой участники одной сделки с недвижимостью.

– Опаньки! – Маврушкин явно напрягся, и Алексей машинально это отметил.

«Точно: нечисто дело», – тоскливо подумал он. Треклятая интуиция Леонидова не подвела. Все, в чем был замешан Кит Маврушкин, относилось к разряду криминала, все его дела.

– Здравствуй, – широко улыбнулась ему Тася. Вот она, простушка, обрадовалась искренне. – А Саша где?

– На работе, – вымученно улыбнулся Алексей. – Квартира моя, зачем жену-то впутывать? Сам справлюсь. Да вон, Альбина Андреевна все проконтролирует, – он кивнул на своего риелтора.

Таисия с удивлением посмотрела на уткнувшуюся в папку с бумагами Альбину Андреевну. Эта бабка – риелтор?! То ли дело их Юленька. И мила, и молода, и ловка. Уж как Китай ее нахваливал! Тасе даже неприятно стало. Муж в последнее время заглядывается на молоденьких. Но любящее сердце подсказало Тасе, что, кроме флирта, у мужа с Юлей ничего нет. Хорошенькая риелторша всем строит глазки. И рыжему тоже, клиенту своему. И соседу по даче, вон, подмигивает. Натура такая.

– Что ж, можно начинать, – строго сказала Альбина Андреевна, подняв голову от бумаг. – Алексей, пиши пока расписку. – И она стала диктовать текст.

– Момент, – прервал ее Леонидов. – А почему такое расхождение в сумме? В договоре одни цифры, а в расписке другие. Расхождение в шестьсот тысяч. Я получаю два конверта, так? Один с ипотечными деньгами. Но тут указана меньшая сумма. Которая переброшена в первый конверт с пятью миллионами. Что происходит?

Обе риелторши, одна в розовой кофте, другая в горчичном костюме наперебой принялись ему что-то объяснять. Голоса их дрожали от напряжения.

– Стоп! – Алексей поднял вверх обе руки. – Если вы мне, дамы, внятно не объясните, что здесь происходит, я встану и уйду!

– Да скатертью дорога! – взвизгнула «розовая кофта». – Вы свою халupu еще сто лет будете продавать! Мы вас, можно сказать, осчастливили!

Верещагин посмотрел на нее с осуждением, его мать вздохнула:

– Может, оно и к лучшему.

– Да вы что?! – вскинулась Юля. – Мы такой долгий путь прошли, обо всем договорились! Что значит, встану и уйду?! И ты помолчи, – накинулась она на розовую кофту. – Алексей Алексеевич, не сомневайтесь, вы свои деньги получите. Это вон, Марго свою подругу светить не хочет.

– Что значит, не хочет? – удивился Алексей.

Ему уже в три женских голоса, один визгливый и два низких, один прокуренный, другой от природы сексуальный,

принялись что-то втолковывать.

Алексей вопросительно посмотрел на Альбину Андреевну.

– Подписывай, не сомневайся. Так надо, – кивнула та.

«О чем-то они договорились. Сложная комбинация, где надо малость подмухлевать. Что делать?» – ручка в его руке замерла. «Э, да ладно! Была не была...»

И он отдал подписанную расписку Альбине Андреевне, которая тут же убрала ее в папку.

– Что дальше?

– Сейчас будем раскладывать деньги по конвертам, – деловито сказала его риелтор. – И начнем с тебя. Все остальные могут выйти.

Но поскольку остальных было много, а коридорчик тесный, большей частью их разношерстная компания столпилась в дверях. Верещагин достал кейс.

– Леша, считай.

Пачки пятитысячных купюр в банковских упаковках легли перед ним на стол. Алексей смотрел на них с полным равнодушием. По роду занятий ему и не такие суммы приходилось видеть. И даже комнаты, набитые под завязку деньгами. Золото, валюту, бриллианты... А это так. Брызги шампанского, которое он выпьет вместе с Сашей, когда эти деньги станут, наконец, его.

У счетной машинки стояла «розовая кофта».

– Вы мне доверяете? – улыбнулась она.

– Допустим, – Леонидов тоже улыбнулся, но натянуто.

Тогда риелторша Верещагиных, Алексей так и не удосужился узнать ее имя, подрагивающей от волнения рукой сунула в счетную машинку одну из пачек. Зашелестели купюры, пара вылетела из машинки. Не прошло. Но дама в розовом неловко сунула беглянок обратно. Алексей хотел было попросить эти две купюры и внимательно их осмотреть, но сдержался.

Верещагин не похож на обманщика. Сделка ему выгодна, и не в его интересах мухлевать. Подкладывать фальшивки.

– Пятьсот тысяч, – сказала стоящая у счетной машинки женщина и взяла со стола следующую пачку.

Со скрипом, с паузами деньги были пересчитаны и уложены в большой конверт из плотной коричневой бумаги. Алексей боялся, что пять с лишним миллионов туда не поместятся, но напрасно. Хотя конверт получился увесистым. Почти в набивку. Альбина Андреевна заклеила конверт лентой и, протянув ручку с эмблемой банка, сказала Алексею:

– Напиши прописью сумму.

– Я очки, кажись, забыл, – он хлопнул рукой по карману, – лучше сами.

Альбина Андреевна взяла ручку и на глазах у Алексея, Верещагиных, матери и сына и трех риелторов написала от руки:

– Пять миллионов шестьсот тысяч рублей, – и Алексей торопливо поставил свою подпись, которая получилась со-

всем чужой. Писать на набитом деньгами конверте оказалось неудобно, да еще и очков не было.

Алексей хотел было выйти, после того как с его делом было покончено, но понял, что к дверям не протиснуться.

– Чего там, все свои, – сказал, сунувшись в переговорку, Кит Маврушкин.

Оказывается, он тоже внимательно наблюдал за процедурой пересчета денег.

Потом настала очередь Трухиных. Сумма у них была самая маленькая, и деньги пересчитали быстро. Наталья сама написала на конверте сумму прописью.

«Зачем они берут ипотеку?» – задумался Алексей. «И полтора миллиона наличных от Верещагина. Им бы хватило денег от продажи квартиры. И деньги жена считает, хотя кредит берет муж. Он, похоже, лопух. Работяга. Сидит в коридоре, трясется от волнения. Похоже, эти полтора миллиона на него хотят повесить. А у женушки на эти деньги есть планы. Явно мухлеж».

Наталью Трухину курировала Терентьева, которая не отходила от нее ни на шаг. Они обе остались сидеть в переговорной, после того, как Верещагин забрал еще один надписанный конверт, чтобы потом положить его в ячейку.

В переговорную протиснулась дородная Таисия. К этому моменту все уже устали и перенервничали. Было жарко, даже несмотря на работающий кондиционер. Вид банковских упаковок с миллионами нервически действовал на всех. «Это

же целое состояние!» – невольно думал каждый, не исключая и Леонидова. Но он-то хоть был владельцем в недалеком будущем одного из этих объемных конвертов. А каково риелторам? С Альбиной Андреевной Алексей договорился, что заплатит ей сто пятьдесят тысяч комиссионных. Остальные риелторы работают тысяч за сто. А помощницы и вовсе получают мизер. Стоят, смотрят на миллионы в конвертах и мысленно облизываются.

Алексей поспешно отогнал эти мысли. Маврушкиным полагался самый большой куш: восемь миллионов. Таисия застыла у счетной машинки. Дама в розовом к этому моменту утомилась, поскольку отдельные купюры все время выскакивали обратно.

– Навыка нет, – пожаловалась она. – Вы уж сами.

И Таисия принялась считать деньги. С порога за ней внимательно наблюдал Кит. Делала это Маврушкина крайне неловко, все время сбивалась, и купюры у нее выскакивали обратно чаще, чем у «розовой кофточки». Алексей почувствовал, как заныли виски. В переговорной было душно, нервно, процесс явно затягивался. Все уже начали терять терпение.

– Ну, все, наконец? – не выдержала Верещагина. Она была старше всех, и ей было особенно тяжело.

– Вроде все, – тяжело вздохнула Таисия. Ей и самой уже было неловко. Деньги она считала долго. Маврушкина аж взмокла.

Сидевшая ближе всех Терентьева торопливо принялась запихивать пачки пятидесяти тысяч в конверт. Ее помощница из коридора сказала, что надо поторопиться занять очередь в депозитарий, народу не убавилось. Все еще больше разнервничались.

Альбина Андреевна со вздохом сбросила звонок сына. У него, видимо, начался просмотр одной из квартир, и возникли вопросы. Зазвонил телефон у Кита, но он не сбросил звонок, а тут же нырнул вместе с мобильником в коридорчик. Все эти детали Алексей впоследствии напряженно вспоминал: кто как себя вел?

Таисия беспомощно оглянулась: присесть было некуда.

– Вы уж сами, – сказала она, как и давеча Алексей.

Конверт с восемью миллионами заклеивала сидевшая ближе всех Терентьева. Она же на глазах у семерых человек, все уставшие, взмокшие, измученные ожиданием и затянувшейся процедурой пересчета миллионов написала на конверте, по ленте, которой запечатали «бандероль»: восемь миллионов рублей.

Таисия, нагнувшись, неловко поставила свой безликий крючок. Вернулся Маврушкин:

– Уже заклеили? Леха, ты видел, что в конверте деньги? Тебе я доверяю, потому что ты бывший мент, – хохотнул Кит.

– Как мент?! – взвился Верещагин.

– Я раньше служил в органах, – внимательно посмотрел

на него Алексей.

– Наркотиками, что ли, занимались? – криво усмехнулся Макар Верещагин.

– Почему сразу наркотиками? Я сыщик. Уголовка, – невозмутимо сказал Леонидов.

Верещагины, мать и сын, аж позеленели. А «розовая кофта» стала пунцовой, лицо одетой в нее дамы. Алексей поймал уничтожающий взгляд Верещагина, брошенный на риелтора: «Почему я этого не знал?!»

В переговорной возникло смятение. Все вдруг еще больше занервничали.

– Какая разница, кто где работал? – Альбина Андреевна поднялась.

Алексей видел, как ей не терпится выйти. Она должна была поговорить с сыном, но не могла обсуждать подробности новой сделки при посторонних, тем более, при трех риелторах. Все они были Альбине Андреевне конкурентами, даже очаровательная Юленька.

– Идем закладывать ячейку? – сунулась Терентьева.

– Нет, сначала в кассу, – Альбина Андреевна бросила на нее уничижающий взгляд. – Вы, дорогуша, позабыли, что надо еще ипотечные деньги получить. А ведь это ваш клиент.

Терентьева вспыхнула от досады. Еще бы! Ее ведь уличили в непрофессионализме. Алексею она нравилась все меньше. Он отметил одутловатое лицо, мешки под глазами, подрагивающие руки. И сделал вывод: «И в самом деле пьет.

Держится пока, но по ее жестам видно, как ей не терпится выпить. А для этого надо поскорее отсюда выйти».

Народу в кассу тоже было полно. В эти мартовские дни в основном и шли в кассу да в депозитарий. Покупали и продавали валюту, забирали деньги и ценности из ячеек, в зависимости от того, кто и как понимал сложившуюся ситуацию.

«Хорошо, что Саши со мной нет», – подумал Алексей. «Она бы все это не выдержала».

Он заметил, что больше всех психует Кит, который не расставался с мобильником. Маврушкин то и дело куда-то исчезал.

– А нельзя их поторопить? – сунулся он, было, к Юле.

– А что тут подделаешь? – она ослепительно улыбнулась. – В порядке очереди. Не у нас одних сделка.

Алексей присел на диванчик и прикрыл глаза. Надо дождаться своей очереди в кассу. Время тянулось томительно. Он постарался думать о приятном: о вечере, который проведет с женой, с юмором пересказывая ей события сегодняшнего дня и в лицах изображая участников сделки.

Женщина, зависшая в кассе, придирчиво проверяла купюры по сто долларов, чуть ли не обнюхивала их, одну настойчиво попросила поменять. Кассирша встала и куда-то ушла.

– О, господи! – не выдержала Трухина. – Да когда же, наконец, мы туда войдем?!

Но все когда-нибудь кончается. На табло загорелся их но-

мер, и Терентьева вскочила:

– Идемте в кассу!

Алексей зашел туда вместе с Трухиными и все с той же Терентьевой. В их присутствии пересчитал оставшиеся миллион четыреста и запечатал конверт. Сумму на нем накарябала Терентьева, нервно зачем-то встряхивая шариковую ручку. Конверт положили в полиэтиленовый пакет с эмблемой известной сети супермаркетов и сунули его Мишане Трухину, поддержать.

Это поддержать вылилось в то, что Трухин так и таскался по банку с пакетом, в котором лежали пачки денег. Наконец, добрались до оформления ячеек и там застряли так надолго, что Алексей понял: день потерян.

Через три часа после того, как Леонидов со своей риелторшей вошел в банк, все участники сделки с недвижимостью были похожи на блюда с киселем. Особенно неаппетитно выглядела «розовая кофта», которая и впрямь напоминала теперь студенистую массу. «Ой, ну когда же, наконец?» – было написано на ее круглом как блин лице.

Алексей, который вновь уселся на облюбованный диванчик, скосил глаза: рядом с ним лежала папка. Дальнозоркий Леонидов разглядел свою фамилию. Это были его справки из психо- и наркодиспансеров, а вместе с ними и договор купли-продажи.

– Никто ничего не потерял? – громко спросил он, взяв в руки папку. Вот так легко сейчас может сорваться сделка,

на подготовку которой ушел чуть ли не месяц! Если хотя бы один из ее участников потеряет документы, то другим придется начать все сначала!

– Наташа! – сиреной взывала Терентьева. – Это же твои документы!

– Ой, и правда, – спохватилась Трухина. И накинулась на мужа: – А ты куда смотришь?!

– Да у меня вот! – Михаил Трухин взмахнул рукой, в которой был пакет. Алексей понял, что это его деньги.

Он поспешно встал:

– Так. Все, похоже, расслабились. Так вы и деньги посеете.

– Да здесь же повсюду видеокамеры, – отмахнулся Верещагин.

«Ну, положим, в туалете-то нет», – неизвестно почему подумал Алексей. «И слепые пятна есть повсюду. Стырить пакет с миллионами в принципе можно».

Он рванул к Трухину:

– Покажите!

– Чего? – не понял тот.

– Деньги, говорю, покажите.

Мишаня растерянно открыл пакет. Алексей выдохнул: конверт был на месте. Потом подошел к Верещагину и попросил его показать деньги. Тот с недоумением и обидой открыл перед Алексеем две свои сумки. Точнее, таких же пакета с эмблемой популярного супермаркета. В нем, похоже, отоваривались все поголовно. Алексей к своему стыду

вспомнил, что у него в борсетке лежит точь-в-точь такой же пакет, и когда он получит, наконец, свои конверты, то деньги до машины понесет в этом пакете. А что, сумку специальную для этого покупать? Разовая акция.

К огромному облечению Леонидова все конверты были на месте. Запечатанные. Алексей на всякий случай проверил надписи на лентах, которыми они были заклеены. Да, это те самые банковские конверты с миллионами.

– Что вы так волнуетесь? – презрительно сказала «розовая кофта». – Это же банк!

– Когда вы будете свою квартиру продавать, можете вести себя по-другому, – тихо сказал Алексей.

– А то я не продавала!

– Вы чужие продавали.

– Много вы про меня знаете!

– Согласен: мало. И хотел бы, чтобы наше знакомство ограничилось этой сделкой, – разозлился Леонидов. Нервы у него тоже были не железные.

– Хватит вам, – примирительно сказала Альбина Андреевна. – Очередь наша подходит.

Поскольку ячеек было четыре, а участников сделки, у которых надо было отсканировать паспорта, аж пятеро, они чуть ли не час оформляли договоры аренды. Хуже всех пришлось Верещагину, который закладывал три ячейки. Пока он писал, пакеты держала «розовая кофта». Алексей заметил, как она присела на диван, а рядом с ней опустилась до-

нельзя измученная Терентьева, и чуть не взвыл. У нее же деньги, у риелтора Верещагина! Но у Алексея попросили паспорт, и он отвлекся.

Потом Алексей отлучился в туалет. Когда он вышел оттуда, у двери стояла «розовая кофта». Она вспыхнула и отвела глаза. Съежившись на глазах, прижала к себе сумочку и шмыгнула в туалет, он был общий и для мужчин и для женщин.

Раньше Алексей непременно обратил бы внимание на детали. Кто как себя ведет. Если бы наблюдал все это со стороны. К примеру, пришел бы класть деньги на счет, или в кассу за долларами. Тогда все это было бы забавно. И он бы отметил некоторые странности в поведении того же Кита, или риелтора Верещагиных. Но будучи участником сделки, Леонидов, как все, хотел только одного: чтобы все это поскорее закончилось.

Поэтому после оформления своего договора уселся у двери в хранилище, с твердым намерением не пустить никого без очереди. А желающие были.

Наконец, о счастье! Девушка с невероятно длинными и яркими ногтями, от которых Алексей не мог отвести глаз, пока она стучала по клавиатуре, оформляя договор, пошла за мастер-ключом.

В хранилище их вошло шестеро: три женщины и трое мужчин. Банковская красотка с невероятными ногтями, Таисия Маврушкина, Наталья Трухина, ее муж, Верещагин

и Алексей Леонидов. Двое мужчин были с конвертами. У Верещагина их было аж три. И один у Трухина.

– Что у вас тут происходит? – негромко спросил Алекей у девушки, пока они спускались по ступенькам. Лестница была крутая, поскольку сам подвал глубокий. – На вас смотреть жалко. Устали, да?

И сотрудница не выдержала:

– Все словно с ума посходили! С утра народ валит! И все – в хранилище! Деньги забирают. Боятся, что мы закроемся.

– А вы закроетесь?

– Мы?! Да вы что! Такого не может быть!

Ее уверенность Алексея умилила. Тогда все еще верили, что огромный мегаполис не может превратиться в пустыню. Где все двери заперты, а на улицах почти нет людей.

Все шестеро остановились в предбаннике, у решетки, которую отперла банковская служащая. Алексей терпеливо ждал своей очереди. Сначала в хранилище вошли Верещагин и Наталья Трухина. Девушка из банка последовала за ними. Она подсказывала, что надо делать. Потом тот же Верещагин заложил ячейку на глазах у Таисии Маврушкиной. Рядом стояла свидетельница, все та же банковская служащая. Дальше настала очередь Леонидова.

Сначала он, немного волнуясь, вошел в хранилище с Верещагиным. Обе ячейки оказались в самом низу. Верещагину пришлось нагнуться, и он долго пыхтел, открывая ячейку. Девушка кинулась ему помогать. Алексей почему-то за-

нервничал и еще раз внимательно осмотрел конверт, который Верещагин положил в ящичек. Да, это он, с миллионными. Ячейку заложили и закрыли.

Они вышли, и настала очередь Трухина, который избавился от своего конверта с явным облегчением.

– Ну, их, эти деньги, – его рука, сжимающая ручки полиэтиленового пакета вспотела.

«Свобода!» – ликовал Алексей, поднимаясь по крутым ступенькам вверх. В депозитарии ему было неуютно. Он старался не думать о том, сколько здесь лежит денег и ценностей, и как это все, в общем-то, ненадежно. Деньги-то кладут без описи. На ваш страх и риск, как говорится. «Сколько же я здесь проторчал? – заволновался он. – Мама дорогая! Почти четыре часа!!!»

– Вас подвезти? – спросил он у Альбины Андреевны, которая ждала в холле. Рядом с ней сидел Маврушкин, который, едва увидев жену вскочил:

– Ну, наконец-то! Поехали скорее!

– Куда ты так торопишься? – удивилась Тася.

– Бизнес у меня. Грузчиков жду, – и Кит заторопился к выходу.

Алексей с Альбиной Андреевной двинулись следом.

– До метро подкинь, если не трудно, – сказала риелтор и полезла в сумочку за мобильником: – Ну, что там у тебя, Руслан? Скоро буду. Уже вышла и банка.

– Что, сын не справился? – сочувственно спросил Алек-

сей, отметив, что лицо у Альбины Андреевны печальное.

– Молодежь... Вечно вы торопитесь, – она тяжело вздохнула.

– Что теперь? – спросил Леонидов, когда они сели в машину. Он вставил ключ в замок зажигания, и мотор охотно заурчал. Алексей аккуратно вырулил с забитой машинами банковской стоянки на шоссе.

– Как только сделка будет зарегистрирована, придет эсэм-эска. После этого можно закрывать сделку и забирать деньги из ячеек. Думаю, на это уйдет дней десять. Рабочих дней, – подчеркнула Альбина Андреевна. – Терентьева пожадничала, не захотела ускорить процесс.

– А можно было?

– Конечно. Экспресс-оформление с вызовом представителя Регистрационной палаты. Я бы так и поступила. А теперь нам придется подождать. Сайт Росреестра подвисает в связи с тем, что сотрудников переводят на удаленку.

– Черт! Знал бы, сам заплатил! – с досадой сказал Алексей. – Сдается мне, сейчас каждый день на вес золота.

– Если бы все это понимали, Леша, – Альбина Андреевна опять вздохнула. – Но людям ведь не объяснишь. Не все относятся к коронавирусу серьезно.

– А вы?

– У меня дочь медик. В Италию собиралась поехать в середине марта. Билеты, похоже, пропали. Бронь уже сняла.

– Что, не выпускают?

– Выпускать-то выпускают. Только по возвращении – на карантин. Замаринуют в Коммунарке, потом, глядишь, лицензию приостановят. Дочка в частной клинике работает. Сам понимаешь: работа дороже. Сейчас лучше не высываться, мой тебе совет.

– А я теперь пенсионер, – Леонидов улыбнулся.

– Твое счастье, – Альбина Андреевна вздохнула в третий раз.

– Так ведь и вы тоже на пенсии, – он внимательно посмотрел на своего риелтора.

– Так-то оно так... Останови здесь. Мне на метро ближе.

Алексей так и не услышал в тот день о ее проблемах. Он посмотрел, как Альбина Андреевна, ссутулившись от усталости, возраст есть возраст, бредет к стеклянным дверям метро и дал по газам. Его ждала Саша.

Ожидание

Казалось, что может случиться за десять рабочих дней? Но прибавьте сюда выходные, и получится все две недели. Подвисает сайт не только у Росреестра, в банке тоже аншлаг. Так как часть сотрудников тоже переводят на удаленку.

Первая неделя пролетела незаметно. А в воскресенье Саша пришла из фитнес-клуба грустная:

– Говорят, что скоро клуб закроют. Уже почти никого. В душевой сегодня я была одна, представляешь? И в бассейне одна на дорожке. Обычно по выходным аншлаг, детей много. А сейчас – никого. Ни одного ребенка не видела. Все напуганы. Нас досрочно отпустили на каникулы.

– Все в парке гуляют, – постарался Алексей успокоить жену. – Погода хорошая.

– Зато настроение плохое.

– Ты всегда была паникершей, – он, как ребенка, погладил жену по кудрявой макушке.

– Зато ты у нас оптимист! – сверкнула глазами Саша.

– Я реалист, – поправил жену Алексей. – Оснований для паники пока не вижу.

– Ты что, новости не читаешь?! В Италии, вон, гробы стоят бесхозные. Несколько десятков. Некому покойников забрать. Люди мрут, как мухи.

– А если это реклама морга?

– Прикалываешься как всегда?

– Ничуть. Ты итальянский знаешь?

– Леша, перестань!

– И я не знаю. Даже если бы и знал. На мужике маска, так что говорить он может все что угодно. По артикуляции губ ты все равно не определишь, что именно он говорит. Редактор может любой текст на это наложить. В ряд стоят новенькие гробы. Есть в них трупы, нет – так сразу не определишь. Но по тому, как они стоят, эти гробы, скорее всего, пустые. Я ведь сыщик. У меня глаз наметанный. Что-то меня в этой картинке напрягает. Или вчера был сюжет: врач или медсестра собиралась войти в бокс к инфицированным больным. Сначала она надела маску, перчатки, а потом бахилы.

– И что?

– Перчатки надевают последними. Даже если это не стерильные перчатки, у медиков все равно условный рефлекс. Я никогда не видел, чтобы руками в перчатках касались уличной обуви. Что наводит меня на мысль о постановочной съемке. А женщина эта, скорее всего, актриса.

– А ты, скорее всего, Фома Неверующий, – сердито сказала Саша.

– Я не виноват, что замечаю детали. И что у меня появились вопросы, а соответственно, сомнения. Особенности профессии. Ну не могу же я отключить свои мозги? Я сомневаюсь во всем. Возможно, что ошибаюсь. Но изменить себя, Сашенька, не могу.

– Леша, забудь об этом! Ты никогда не вернешься в милицию!

– В полицию, – машинально поправил он.

– Без разницы. Прекрати быть сыщиком, слышишь?! – сверкнула глазами Саша.

– Ты мне лучше спасибо скажи, что мы отель на Кипре не забронировали.

– Ты думаешь, все это к лету не закончится? – жена все-рьез разволновалась.

– Я так далеко не заглядываю. Мне сейчас главное деньги за квартиру получить. А эсэмэска пока не пришла.

– Какая эсэмэска? – Саша зевнула. Алексей понимающе улыбнулся: наплавалась на радостях, что одна на дорожке, устала.

– О том, что сделка зарегистрирована. И я больше не собственник маминой двушки.

– Зарегистрируют, куда они денутся?

– Мне бы твою уверенность.

Сам Алексей по истечении второй недели, в понедельник с утра начал нервничать. Пошли упорные слухи о том, что закроют город. Слухов вообще в последнее время ходило много. И о том, что всех приехавших из-за границы отлавливают, чтобы запереть на карантин, а они сбегают. И про теорию заговора. Мол, нет никакого коронавируса, а есть мировой экономический кризис и заговор финансистов, которым выгодно всех запереть по домам. Называли даже имена, первое

– Билл Гейтс.

«Спокойно. У меня остались связи, – уговаривал себя Алексей. – Если надо будет, я всех напрягу. И в банк про-
рвусь. Но я – это я. А как быть с остальными? Ведь для того,
чтобы закрыть сделку, мы все должны приехать в банк».

Верещагины

– Никуда я не поеду.

– Мама, ты что?! – Макар всерьез разволновался.

– Смерти моей хочешь? – Валентина Степановна заплакала.

– Но нам надо зарегистрировать договор! И закрыть сделку!

– Тебе надо, ты и поезжай, – уперлась мать.

– Но ведь это твоя квартира!

– А я тебя не просила ее покупать.

– Хорошо: мне нужна твоя помощь.

– Это зачем?

– Две пары глаз лучше, чем одна.

– Да какие у меня глаза, Макарушка? Я наполовину слепая.

– Не прибедняйся. Я сколько за твои хрусталики заплатил? Операцию в прошлом году на оба глаза сделали, успели, слава богу. Ходят слухи, что все плановые операции отменяют.

– Опять ты о деньгах! Всю жизнь меня ими попрекаешь!

– Я не попрекаю! – повысил голос и Макар. – Но куда без денег? Ты мне нужна, потому что мне не нравится этот мент. Леонидов, кажется. Мне не нравится, как он на меня смотрит. А тебя жалко, ты старуха.

– Да не на меня ли он смотрит? – вскинулась Валентина Степановна. – И впрямь, глазами так и сверлит! Словно узнал!

– Узнал бы – сказал, – отрезал Верещагин. – Я хочу, чтобы ты отвлекла его внимание. Сверлит, и пусть себе дальше сверлит. А я тем временем ключики от ячеек отдам, и был таков. Пусть сами дальше разбираются.

– А она ничего, симпатичная, – Валентина Степановна вздохнула. – Жаль только, что разведенка. И дите, небось, есть.

– Ты это о ком? – Макар невольно покраснел.

Он прекрасно понял, кого имеет в виду мать. Юля ему и в самом деле понравилась. Именно потому, что они были так не похожи. Он замкнутый, настороженный, расчетливый, а она, напротив, открытая, смешливая, и характер легкий. Прямо светится вся. Плохо только, что Юленька со всеми такая, не поймешь, нравится он ей или она по привычке заигрывает? И менту глазки строит, и клиенту своему. Характер такой.

Но это была первая женщина за много лет, которая Макару действительно понравилась. Не молодая, но и не старая. Как и он. Не красавица, но с шармом. Симпатичная, как сказала мать. Одевается к лицу. Макару не нравились модные нынче цвета. Кричащие. Он чуть не взвыл, когда увидел своего риелтора в легкомысленной розовой кофте. А вот Юленька оделась вроде бы неброско, но глаз не оторвать. И

янтарные украшения грели взгляд Макара Верещагина, который сам был, как солнышко, со своими рыжеватыми волосами и веснушками по всему лицу.

Приятная женщина. И с работой, не нахлебница. И работа, опять же, с цифрами, та, которую Макар уважал. С документами, к которым он относился как к святыне. Риелтор должен быть внимательным и аккуратным. Предприимчивым и энергичным, чтобы процветать. А Юля, судя по ее виду, не бедствует.

Что она не замужем, Макар понял из разговора ее с Альбиной Андреевной, давней подругой. Та спросила:

– Ты замуж-то снова еще не вышла?

Юля звонко рассмеялась:

– Да за кого? – и стрельнула при этом глазками сначала в Макара, а потом в этого неприятного мента. Но тот, слава богу, женат.

Мать этот разговор тоже, выходит, слышала. А вот про ребенка хотелось бы уточнить. Поэтому Макар с нетерпением ждал закрытия сделки. В этот день он опять увидит Юленьку. Надо бы как-то к ней подкатиться. В ресторан, что ли, позвать? Хотя, какие сейчас рестораны? Говорят, скоро все закроется. И кинотеатры, и парикмахерские. Интересно, как сейчас ухаживать за понравившейся женщиной, если ее никуда нельзя позвать? Не к себе домой же так сразу. Не поймет. Или поймет? Не дети, ему за сорок, ей к тому идет. И замужем побывала. Чего ломаться-то?

Макар заколебался. День предстоит сложный. С одной стороны, ему надо как можно скорее улизнуть с ключами от новой квартиры, а с другой, не проворонить Юленьку. Которая будет сидеть в банке до упора. До того, как Таисия Маврушкина выйдет из хранилища с увесистым конвертом. В этом конверте и Юлин гонорар.

Поэтому Макар был на разрыв. Он даже хотел позвонить своему риелтору, чтобы узнать у нее Юлин телефон. И ругал себя: «Ну почему я его не взял у самой Юли?! Столько часов проторчали в банке! Как мне это в голову-то не пришло?!»

Но не пришло. Потому что деньги. А деньги для Макара Верещагина были всегда на первом месте, потому и не женился до сих пор, как правильно говорила мать.

В то же время Верещагин понимал, что звонить своей риелторше, чтобы спросить у нее Юлин телефон, нельзя. Та, чего доброго заподозрит, что ее хотят кинуть. А она и мысли такой допускать не должна. Иначе все сорвется.

И что тогда будет с этими, мягко скажем, не очень-то белыми миллионами? Куда-то их срочно необходимо пристроить. И быстро. По слухам, город скоро закроют. И будет Макар Верещагин сидеть на своих пачках с деньгами в полной неопределенности. Уже пошли слухи, что наличные деньги запретят, потому что вместе с ними передается проклятая зараза. Коронавирус этот.

Макар понимал, что под шумок вполне могут провернуть изъятие денег у населения. Ему не хотелось попасть под раз-

дачу. Конечно, он, как московский чиновник, обладал инсайдерской информацией, но штука была в том, что толком никто ничего не знал. Решение не было принято, и принять его могли в любой момент сообразно сложившейся ситуации. Решалось это на самом верху, в Кремле. И соваться куда-то со своими миллионами было бессмысленно и опасно.

Макар, волнуясь, ждал звонка. От осведомленного источника в Кремле. От этого зависело, как он будет вести себя в день, когда закроет сделку. Все было на мази.

Первая неделя пролетела незаметно, а вот вторая... Поневоле Верещагин начал психовать. А не поторопился ли он с покупкой? Цена на вторичку скоро упадет. Надо было дураку доллары покупать! Но официально он это сделать не мог, а комиссионные за черный нал сейчас зашкаливали.

Вон и мать, места себе не находит. Себя накручивает и сына заводит. Надо у нее мобильник отобрать. Чтобы не звонила этой своей подруге. У которой дочь в Китае. Мать как поговорит с ней – сама не своя. Тут же давление поднимается. Надо все это прекращать...

...А ну, как и в самом деле наличные отменяют? А счета заморозят. Разные слухи ходят. Вон, в 98-м, сколько денег у людей пропало!

Макар леденел при одной этой мысли. Ему нужна была эта квартира. Потому что он по-прежнему свято верил в золотые московские квадратные метры. И вера эта, даже несмотря на пандемию, была в Верещагине непоколебима.

Если только ему не предложат и другой вариант, проверенный. Всего один звонок – и настроение Макара Верещагина может измениться...

Маврушкины

Таисия была далеко не так проста, как думал Кит. Может, в делах она ничего и не смыслила, но житейский ум у нее был, и у мужа Таисия многому научилась. Последнее время Кит загадочным образом частенько куда-то исчезал. Бывало, что и ночевать домой не приходил. На все вопросы Таисии отговаривался бизнесом:

– Кручусь как могу. Ты же видишь, Тася, что сейчас происходит.

Бизнес у мужа всегда был один: купить-продать. На марже он всю жизнь и процветал, потому что продавать умел. Что врал, что продавал Китай Маврушкин удивительно легко, к этому у него был природный талант. Но сейчас весь мужнин бизнес встал, потому что никто ничего не покупал. Все со страхом ждали: что же будет дальше?

У Кита было несколько торговых точек, и Таисия прошла по всем. Везде продавцы скучали. Товара, как сказали Таисии, давно не привозили. И о каком таком бизнесе твердит муж? Какие фуры? Какие грузчики?

Таисия наведальась в офис, квартирку на первом этаже, которую арендовал супруг, и еще больше насторожилась.

– А их нет, – буркнула уборщица.

– Кого это их? – удивилась Таисия.

– Директора с его ... – уборщица смачно употребила непе-

чатное слово.

Таисия похолодела. Кита она и раньше подозревала в неверности, но верила, что удержит его. Любовницы – это любовницы, пришли и ушли, а жена – она на всю жизнь. Дети у них. Две лапочки-дочки. Старшая, Мария, школу в этом году оканчивает. В институт ее надо устраивать, и о выпускном подумать. Чтобы была Мария Китаевна Маврушкина не хуже других. Какие такие любовницы?!

Таисия прошла по офису и отметила запустение. Такое чувство, что отсюда собрались съезжать. На секретарском столе было пусто. Таисия выдвинула один их ящиков. Странно. Ей всегда казалось, что стол секретарши должен быть набит папками с документами. Дырокол, канцелярские скрепки, степлер... Всего этого не было.

Таисия, поразмыслив, включила компьютер.

– Вы чего? – сунулась было уборщица.

– Ты тут закончила? На-ко, в магазин сходи. Чайку попьем, – и Таисия сунула женщине пятьсот рублей. – Накладную мне надо распечатать, чего тут непонятного? Муж попросил. Занят он.

Пожилая женщина с испитым тонкогубым и одутловатым лицом проворно схватила деньги. «Небось, не вернется», – мысленно усмехнулась Таисия. Но ей необходимо было остаться здесь одной.

Как она и думала, в компьютере кроме документов и складской программы была и папка с личным. Секретарша

на рабочем месте не скучала, постила фотки в Инсту, вела активную переписку.

Таисия, волнуясь, щелкнула мышкой.

Когда вернулась уборщица с тортиком, Таисия Маврушкина неподвижно сидела перед черным монитором. Компьютер работал, но перешел в режим ожидания. У Таисии было такое чувство, будто она шла по широкой ровной дороге, светило солнце, пели птицы, и шла она в светлое будущее, спокойное и безмятежное. И вдруг опустилась туча. Оказалось, что это все – обман. И птицы, и цветы, и уютный домик с садиком, в котором стоит любимая беседка. И ровная дорога. Асфальт под Таисией мог в любой момент провалиться, а сама она ухнуть в глубокую яму. Ибо Таисия не представляла себе жизнь без мужа, с двумя детьми на шее. Старшую еще на ноги надо поставить, а чего уж о младшей говорить!

Уборщица кашлянула:

– Мы чай-то пить будем?

– Чай? – Таисия посмотрела на нее пустыми глазами. Мысли ее были далеко. Она перевела взгляд на торт. Прозрачная коробка, малиновое желе, а поверх – розочки. «На сладкое потянуло, сволочь!», – зло подумала она и посмотрела на уборщицу уже совсем другим, осмысленным взглядом: – Садись. Рассказывай...

Мужу она ничего говорить не стала. Сделка прошла, тут уж ничего не изменишь. Таисии первой из всей компании пришла эсэмэска о том, что она больше не является соб-

ственницей однокомнатной московской квартиры. А восемь миллионов, лежащие в банковской ячейке, Таисия должна была отдать мужу.

Она теперь понимала, почему Кит затеял продажу этой квартиры. И куда он собрался потратить эти деньги. На какой такой «бизнес».

«Ага, сейчас», – думала Таисия, ставя на стол тарелку ароматного огненного борща. С салом, с чесночком и перчиком, все как любил супруг. Несмотря на нежные отношения на стороне столоваться он по-прежнему предпочитал дома.

Обычно Кит замечал, когда жена не в настроении. Но, видать, роман с секретаршей из букетно-конфетной стадии перешел в постельную. И Кит был похож на кота, оприходовавшего миску жирной сметаны, что не мешало ему со вкусом есть женин борщ, в который Таисии хотелось сыпануть крысиного яду. Но она вовремя вспомнила о дочках и свекрови. Да-да, и о свекрови тоже. Потому что жили они много лет душа в душу. О Машином выпускном вспомнила Таисия, о бальном платье, которое они так и не купили. О даче с любимой беседкой. Лето не за горами, розы пора открывать. И вспомнив об этом, Таисия остыла. А так хотелось засветить мужу половником в лоб, раз яду в доме нет. И размазать по наглому лицу Кита этот жирный оранжевый борщ. Вот же сволочь! Врушкин-Маврушкин!

«Не получишь ты этих денег», – подумала Таисия, доставая банку с маринованными огурчиками собственного посо-

ла. «И лярва твоя не получит. Шиш вам».

Трухины

Неделя пролетела, как одно мгновение. Наталья Трухина с упоением выбирала мебель, сначала по Интернету, потом ехала в магазин, смотрела, щупала, садилась, ложилась. В основном обставить надо было квартиру дочери, выкинув из нее старухино старье, но и себя хотелось побаловать. Для чего и уговорила Наталья мужа взять ипотеку, а себе оставить наличные, почти полтора миллиона.

Давно уже ей пришлось прижаться. Дела не шли, Натальин маленький бизнес денег не приносил. Она торговала одеждой, которую привозили якобы из Турции. Лейблы, лекала – все были турецкими, узнаваемыми. А в подсобке стояли в ряд три швейные машинки. Наталья и сама была неплохой портнихой, почему и открыла магазин одежды. Если клиентке что-то не нравилось, длина там не устраивала, или фасон, Наталья быстренько могла подогнать товар по фигуре. А потом и подделки научилась мастрячить. Почему-то у ее возрастных и корпулентных в основной своей массе клиентов не было доверия к отечественному производителю. От советских времен, что ли, осталось, когда все гонялись за импортом? А турки в последнее время стали пальцы гнуть. Да и расходы на загранпоездку выросли, таможенники взялись лютовать. Проверенный канал, подружка-бортпроводница, которая возила для Натальи товар из Турции и Вьет-

нама, попалась с большой партией кожаных курток и ее перестали ставить на международные рейсы. Другие стюардессы и даже летчики тоже стали остерегаться.

Поэтому Наталья ловко научилась спарывать этикетки с залежавшегося товара, и ее портнихи шили остромодные вещички, осваивая стиль пэчворк, лихо настрочивая джинсовые заплатки или изображая рваные края. А то – выстрачивая модных котиков с умильными мордашками, которые у Натальиных клиенток шли на ура.

– Последний писк моды, – нашептывала она недовольно поджимающей губы даме на ушко.

– Это теперь носят? – с недоверием спрашивала клиентка.

– Лекала парижские, исполнение турецкое, они давно все бренды скупили. – Наталья нежно одергивая «платьишко» или плащик, параллельно чутко прислушиваясь: не стрекошет ли за стенкой «турчанка»? И тут же: – Это стильно. Ой, как вам идет!

Но счастливые времена для Натальи Трухиной давно прошли. Аренда подорожала, клиентки прижались с деньгами. Все чего-то ждали. Каких-то смутных времен.

И вот они наступили. С января, когда продажи встали совсем, Наталья работала в убыток. Мужу она ничего не говорила. Мишаня был простачком. По мнению Натальи, зарабатывать он мог гораздо больше, если бы был хоть чуть-чуть поумнее. А так его все имели, его золотые руки.

Потеряв финансовую самостоятельность, Наталья в ужасе

думала, что будет теперь целиком и полностью зависеть от мужа. А ну как Мишаня это осознает и начнет бычить? Как и все работяги, он был не прочь заложить за воротник, но супругу побаивался, потому как она всем рулила. Утратив контроль над финансами, Наталья могла утратить и власть над мужем. А там и до запоев недалеко. Отец Мишани был алкоголиком, как раз таки запойным, и умер в пятьдесят с копейками от цирроза печени. Мишаня тоже выпивал, но жену побаивался. Все было у нее в руках, и деньги тоже. Но все теперь могло измениться.

Вот Наталья и спускала деньги в мебельных магазинах, чтобы отвлечься от грустных мыслей. Попользоваться мужем, пока он не попользовался ею.

«Боже, что я делаю?!» – в ужасе думала Наталья, заказывая варочную панель за тридцать тысяч для новой кухни дочери, словно хотела суперсовременной бытовой техникой компенсировать старые стены и маленькую площадь. В ее-то однушке кухня была огромная. Но остановиться Трухина не могла.

«Зато дочка, наконец, будет счастлива, – утешала себя Наталья. – Разве мы живем не для детей?»

Но через десять дней, когда начались волнения по поводу так и не пришедшей эсэмэски из Росреестра, Наталья не смогла дозвониться до своей новой подруги и заволновалась. Марго не брала трубку. «Абонент не отвечает», – слышала Наталья, тщетно перенабирая номер Терентьевой.

Без риелтора Наталья была как без рук. Сделку с самого начала сопровождала Марго, и даже ключ от ячейки с деньгами был у нее! С теми самыми почти полутора миллионными, которые надо было еще получить. Наталья заказывала мебель в долг, оставляя небольшой аванс и объясняя свою ситуацию:

– Квартиру продаю. А другую покупаю. Сделку на днях закрою – будут деньги. Вы мне пока товар зарезервируйте.

Но продавцы, словно сговорившись, требовали хоть какую-то предоплату, и в итоге Наталья кругом оказалась в долгах. А Терентьева не отвечала на звонки!

«Запила, что ли?» – в ужасе думала Наталья. Она уже начала догадываться, какой образ жизни ведет ее новая подруга. Очень уж часто та говорила о ресторанах и мужской компании. «Вот я попала!»

Наталья уже готова была ехать к Марго домой, паспортные данные, а соответственно, и адрес новой приятельницы у Трухиной были, как риелтор ответила. Голос у нее был хриплый.

– Приболела. Нет, не корона, – Терентьева выдавила из себя смешок и закашлялась. Наталья в ужасе молчала: – Боишься, что ли?

– Да не по себе как-то, – поежилась Трухина. – Вон, всякое болтают.

– Ладно, я маску, когда в банк поеду, надену.

«У нее точно корона! Вот я попала!»

– Может, ты мне просто ключ от ячейки передашь? – жалобно спросила Наталья. – А я тебе потом комиссионные заплачу.

– А ты сама завершишь сделку? – хмыкнула Марго.

«Да нет, вроде не простудилась, – поежилась Трухина. – Пьет, да еще и курит. Потому и голос такой. Или все-таки корона?»

– У тебя же есть помощница.

– У нее ребенок заболел.

– Тоже корона?!

– Да что вы все помешались на этой короне? – раздраженно сказала Марго. Наталья с трудом узнавала ее хриплый голос. Да уж, прихватило. В довершение к ее страхам Терентьева натужно закашлялась. «Один из главных симптомов коронавируса! – зазвенело в голове у Натальи. – Господи, пронеси!!!»

– Рита, я вся в долгах! Что мне делать? – взмолилась она.

– Что, что. Мозги напряги. У тебя миллионы под ногами валяются.

– На что ты намекаешь?

– На доступ в хранилище.

– Ты с ума сошла, – растерялась Наталья.

– Ладно, я тебя проинструктирую. – Терентьева опять закашлялась.

Этот разговор Трухиной не понравился. А тут еще дочка возьми да и брякни:

– Ничего, проживем. Для алиментов можно достать липовую справку о доходах. Ты спроси у своей Марго. Она, похоже, ушлая. Все ходы и выходы знает. И связи у нее везде есть.

– Каких еще алиментов? – Натальино сердце камнем рухнуло вниз, в желудок, ее аж замутило. Все оказалось хуже, чем она думала. – У твоего Олега что, внебрачный ребенок?!

– Почему это внебрачный? – окрысилась дочь.

– Так он женат?!

– Сегодня женат, завтра разведется.

– Света, как ты могла?! Разбивать семью, уводить у ребенка отца?!

– А мне что теперь, в девках всю жизнь сидеть? Другого не нашлось, уж извини.

– А этому, похоже, не ты нужна, а твоя квартира, – горько сказала Наталья.

– Много ты про нас знаешь! – огрызнулась Света.

Она в последнее время была злая, нервная. Впрочем, чему удивляться? Теперь все были такие. Все ждали перемен, и перемен не к лучшему.

Сердце у Натальи заныло от дурного предчувствия. Она решила на то, за что бы раньше себя презирала: поговорить с Олегом. Поехать к нему, попытаться узнать, какие у него чувства к Свете, и есть ли они? Вразумить, если получится. Пусть сначала разведется, а потом переезжает к Светлане. Все должно быть по-людски.

Трухина долго думала: как быть? Позвонить Олегу? Дочь

не даст номер телефона.

И Наталья, краснея и презирая себя еще больше, залезла к дочери в сумочку. С мобильником Света не расставалась, поэтому Трухина для начала перетряхнула дочкин кошелек, наудачу. И нашла там визитку Олега. Он, оказывается, работал установщиком и настройщиком спутниковых антенн.

— Где бы они могли познакомиться? — пробормотала Трухина, записывая рабочий телефон Олега. На дом они настройщика не вызывали, телевидение у них было кабельное.

Так получилось, что ответил оператор. И Трухиной удалось правдами и неправдами вывести адрес замечательного мастера, которого она хотела бы отблагодарить особо.

«Поеду к нему домой, без предупреждения», — решила Трухина.

Район ей был незнаком. Наталья долго выпрашивала дорогу и, наконец, очутилась, как говорят, в ж... пенях. Дом был старый, панельный. Трухина знала, что Олег сегодня выходной и рассчитывала застать его дома. Волнуясь, она поднялась на пятый этаж. Лифта в доме не было. Ноги у Натальи подкашивались, сердце готово было выпрыгнуть из груди. На лестничной клетке она натужно закашлялась.

— Ходят тут, заразу разносят! — услышала она.

Наталья резко обернулась: одна из дверей приоткрылась, из темной прихожей на Трухину смотрела дряхлая морщинистая старуха.

— Бабушка, вы не подскажите, — шагнула было к ней Ната-

лья, но дверь тут же захлопнулась.

Трухина вздохнула и направилась к соседней двери. Долго звонила в квартиру Олега, но никто не открывал.

– Из налоговой, что ль? – услышала она за спиной дребезжащий старческий голос и торопливо обернулась:

– Почему из налоговой?

– Я на Катьку жалобу написала.

– Какую жалобу?

– Что она буржуйка. Квартеру сдает, а налоги с этого не платит. Мне вчера Марьяна сказала, Катька, сучка, в магазине красную икру покупает. И не в баночке, а на развес. Мало говорит, подложите еще. Сучка! – сплюнула бабка на пол, на лестничную клетку, явно целясь в Катькину дверь.

– Катя – это жена Олега? – спросила Наталья.

– Какая жена, чего несешь? Хозяйка это. Подружка моя бывшая. А теперь сучка драная. Разбогатела, не звонит. – И старуха снова попыталась плюнуть в Катькину дверь. – Хоть бы тортик вафельный купила со своих миллионов! Сучка!

– Значит, Олег с женой снимают эту квартиру? А где они сейчас, не подскажете?

– А ты их допроси, голуба моя, допроси. И с пристрастием допроси. Признаются, куда они денутся?

Наталья шагнула, было, к старухе, но та заорала:

– Не подходи! Заразная ты! Угробить меня хочешь, тварина! – И дверь опять захлопнулась.

Трухина тяжело вздохнула и стала спускаться вниз по

лестнице. Олега лучше подождать на улице. Воздух в доме был спертый, окна на лестничной клетке закупорены, на улице меж тем ярко светило солнце.

Выйдя из подъезда, Трухина перевела дух и тяжело опустилась на лавочку. Сидела, отдыхала, думая: что делать дальше? И так, Олег снимает убитую квартиру в старой пятиэтажке. В плохом районе. Чего еще? А хочет жить в хорошем, в своей. Во что Светка вляпалась, интересно?

Трухина встала, чтобы размять ноги. Время тянулось медленно, да и расспросить было некого, двор как вымер. И вдруг она увидела знакомую машину. На ней Олег и приезжал к родителям будущей жены. Второй, как выяснилось. Машину Трухина видела в окно и запомнила ее, потому что машина была дорогая. Так сказал Мишаня, а он-то уж знал в этом толк. Тогда будущий зять произвел на Наталью благоприятное впечатление. На дорогой машине ездит, значит, обеспеченный.

Теперь картинка не складывалась. Ездить на машине почти за два миллиона и снимать убитую однушку с бабушкиным ремонтом? Которая стоит половину этой машины. Нет, чтобы ипотеку взять. Кто их поймет, молодежь?

Трухина нырнула за угол, потому что Олег был не один. Из машины сначала вышла женщина. Наталья ревниво подумала, что высокая фигуристая блондинка моложе и красивее, чем ее дочь. Намного красивее. Потом женщина, судя по всему, законная жена Олега, помогла вылезти из машины

ребенку. Заботливо отстегнула ремень детского кресла. Подошел Олег и взял ребенка на руки. Трухина замерла.

Она глазам своим не верила! Перед ней была счастливая семья! Разводом и не пахло! «Нашел дуру, дочку мою», – подумала Трухина, и на глазах у нее выступили слезы. Обида, злость, разочарование. Потому что она, Наталья, по наущению этого мерзавца продавала теперь свою любимую квартиру, свой дом, в который вложила всю свою душу, семейный очаг! И все ради дочкиного счастья!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.